

18+

Людмила Горяинова-Лявданская

*Дона,
заветная...*

Людмила Горайнова-Лявданская

Одна, заветная...

«Издательские решения»

Горяйнова-Лявданская Л.

Одна, заветная... / Л. Горяйнова-Лявданская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-620265-8

В книге «Одна, заветная...» собраны истории о любви счастливой и несчастной, молодой и поздней, первой и последней — но всегда неожиданной и неповторимой. В основе большинства сюжетов реальные люди и события, тесно переплетенные с историей России.

ISBN 978-5-00-620265-8

© Горяйнова-Лявданская Л.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Секрет семейного счастья	7
Иван	11
Я помню! Я горжусь!	16
Поздно!	22
Ефим и Манюня	28
Круг замкнулся	30
Не судьба!	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Одна, заветная...

Людмила Горяйнова-Лявданская

Корректор Сергей Барханов

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Людмила Горяйнова-Лявданская, 2023

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0062-0265-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга о любви – счастливой и несчастной, молодой и многолетней, первой и последней, но вечно новой, неожиданной и неповторимой. Впрочем, книга и о времени, и немножко о себе, о моих современниках, друзьях и близких, иных из которых «уж нет, а те далече». Я пишу о своём поколении, о тех, кому всю жизнь приходилось сражаться за достойную жизнь и далеко не всегда выходить победителями из этих сражений. Такое уж выпало нам время! Пусть не годы были у нас, а часы и минуты, когда хотелось сказать: «Как хорошо!» Таких минут было совсем немного, но как бы ни складывалась жизнь, мы всегда хотели помнить, что ночь особенно темна *перед рассветом*, а самое интересное – ещё впереди.

Секрет семейного счастья

*Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.
За то, что ты светлой невестой
была,
За то, что ты тайну мою отняла.
За то, что связали нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста,
и дочь.
За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы – муж и жена.*

А. А. Блок

Корины праздновали свою золотую свадьбу. Инна Николаевна в элегантном кружевном платье и Игорь Теодорович в изящной серой визитке с платочком и галстуком в цвет туалета жены выглядели настоящими молодожёнами.

Днём ранее в мэрии они получили поздравления и подарки от президента, мэра, объединённого Совета ветеранов Москвы. А сегодня в их скромной квартире собрались дети, близкие друзья и однополчане Игоря.

После традиционных тостов и поздравлений гости попросили «золотых» супругов открыть секрет их семейного счастья: в свои почти семьдесят лет (супруги были погодками) они, не расставаясь, прожили вместе полвека. И вот что рассказал Игорь Теодорович...

В конце войны капитан Игорь Корин служил военным переводчиком в полковом штабе Первого Белорусского фронта. Шли первые послевоенные дни. Игоря вместе с двумя сослуживцами разместили на втором этаже большого старого особняка в ближнем пригороде Берлина Ванзее. На первом этаже дома жила семья хозяина: Пауль, ампутант на одной ноге, был демобилизован несколько месяцев назад и жил вместе с женой, взрослой дочерью-вдовой и внуком-подростком.

Жена Пауля – крупная дама с визгливым голосом и несносным характером – была здесь главной. С самого утра в доме раздавался её громкий голос: она то искала что-то, то отчитывала домочадцев, на что, как правило, те отвечали ей грубо, не стесняясь присутствия посторонних. Целый день в доме не прекращались ругань, взаимные упрёки и обвинения. Они явно не терпели друг друга. Впрочем, и к своим гостям, советским офицерам, не питали расположения. Фрау не пропускала случая, чтобы выразить пренебрежение русским оккупантам.

Эта атмосфера постоянной вражды и семейные баталии смущали молодых лейтенантов, неутраченный гвалт в доме не позволял отдохнуть после работы, но деваться некуда – служба. Они старались поменьше бывать в доме, при возможности уходили в соседний двор, где было всегда безлюдно и тихо, а в середине двора стоял стол со скамейками под высокой, теперь буйно цветущей черёмухой.

Несмотря на загруженность на службе и столь неудобные условия быта, настроение у ребят было приподнятым. Война окончена. Договор о полной капитуляции фашистской Германии подписан – значит, скоро демобилизация и возвращение домой.

Игорь всё чаще задумывался: как сложится его жизнь? Теперь, когда он должен сам планировать своё будущее, он не ждал ничего хорошего.

С младенчества Игорь жил всегда в страхе. Ежедневные пьяные дебоши отца, его рукоприкладство, когда доставалось и жене, и сыну, постоянные слезы матери, упрёки и ругань в доме – таким было его детство.

Незадолго до начала войны отец наконец-то оставил их в покое, завербовался на Север, да так и сгинул где-то – ни слуху ни духу о нём не было. В семью наконец пришёл покой, мама по-прежнему работала в поликлинике, а Игорь к началу войны окончил второй курс иностранного факультета педагогического института. Учился жадно, с удовольствием, да ещё вёл кружок в Доме пионеров – времени совсем не было.

Годами наблюдая семейную жизнь родителей, Игорь пришёл к уверенности, что так живут все: постоянные распри, взаимные упрёки, ссоры, обиды, обвинения. Куда же деваются молодая любовь и нежность? Зачем супруги мучают друг друга?

Вот и в семье Пауля всё происходит так же. Наверное, это и есть обычная семейная жизнь, а фильмы и книги о любви и нежности в семье – сказки для несмышлёнышей. Не случайно же все сказки заканчиваются на свадьбе героев!

Он не даст заманить себя в такую ловушку, он никогда не женится и не позволит никому командовать и помыкать собой.

Вот почему, уже став подростком, он всегда избегал девочек. Даже Инку, одноклассницу, с которой они выросли в одном дворе, старался обходить стороной, а на её вопросы всегда грубил, был уверен: стоит стать с нею помягче – тут же сядет на голову, начнёт командовать и всегда и во всём его обвинять.

Впрочем, судьба скоро развела их. Инна, окончив школу с отличием, уехала в Москву, поступила в медицинский институт. Игорь остался в Сталинграде, пошёл в пединститут, мечтал о путешествиях по миру. Изредка Инна писала Игорю, но его ответы были короткими и сухими – да и что писать: учёба, работа, с одноклассниками виделся редко.

Началась война. Игорь после окончания двухмесячных курсов военных переводчиков до конца войны прослужил в штабе Белорусского фронта, многое повидал за это время. В штабе и сейчас шла напряженная работа: продолжались допросы пленных, расшифровка захваченных у противника документов. Инна, с началом войны оставив институт, ушла на краткосрочные курсы медсестёр, всю войну прослужила во втором Московском военном госпитале.

Переписка Игоря и Инны всё же продолжалась. Изредка они обменивались скромными военными треугольничками; впрочем, письма Игоря, как и прежде, были сухими и лаконичными: служба, боевые друзья, иногда – о получении очередного звания. Он и сам не знал, зачем он пишет Инне, никакого интереса к ней он не испытывал, отвечал скорее по привычке.

А теперь войне конец. Ему нужно думать о возвращении на родину. Он откажется от предложения остаться на воинской службе: планировал продолжение учёбы в институте.

В штабе царил предотъездная суета, все с нетерпением ждали демобилизации.

В соседнем с домом Пауля дворе, в небольшом деревянном домике с крылечком, жила молодая женщина с пятилетней дочкой. Девочка была тихая, худенькая и молчаливая. Только яркие рыжие кудри невольно привлекали взор к этой малышке. Мама и дочка рано утром вместе уходили куда-то и возвращались всегда поздно – видимо, мать брала девочку с собой на работу.

Однажды Игорь возвратился со службы пораньше и, не желая слушать обычный в их доме гвалт, зашёл в безлюдный соседний двор, присел на скамью под черёмухой. Сейчас, в половине мая, черёмуха полностью распустилась, ветер разносил по двору тонкий аромат и похожие на снежинки лепестки белых цветов. Заросший травой двор, метель из белых цветов и жалобно скрипящая от ветра на одной петле покосившаяся калитка заставили вдруг болезненно сжаться сердце. Ему мучительно захотелось вернуться домой, где во дворе цветёт такая же черёмуха и мама, наверное, терпеливо ждёт его в одиночестве.

Задумавшись, он не заметил, как возле него оказался невысокий худой немец с костылями, в старой выцветшей пилотке на отросших рыжих с проседью волосах. На левой его руке кисть отсутствовала полностью, на правой сохранились лишь три пальца.

Сложив костыли, немец устало присел на скамейку возле Игоря и опустил голову. Игорь спросил его, что ему здесь нужно. Явно обрадовавшись, немец объяснил, что это его дом, и спросил, не знает ли господин гауптман, живут ли здесь его жена и дочь. Смущаясь, протянул Игорю изуродованную кисть, представился: Роберт Ламм.

Игорь объяснил ему, что квартирует по соседству, с его домашними незнаком, но девочка с мамой к ночи, верно, возвратятся, надо подождать. Предложил Роберту сигареты, тот неумело затынулся, закашлялся. Игорь вернулся к себе и поздно вечером увидел, как женщина и девочка со слезами и объятиями бросились к Роберту, увели его в дом. С тех пор и рано утром, и вечером Игорь постоянно видел Роберта во дворе. Несмотря на увечья, он всё время что-то мастерил. Подправил забор и калитку, выкосил траву перед домом, возился с рассадой и неизменно что-то напевал или тихо разговаривал с дочкой, которая не отходила от него ни на шаг. А по вечерам, когда жена возвращалась со службы, семейство чинно ужинало под цветущей черёмухой, а потом они долго сидели вместе, обнявшись. Помолодевшая и похорошевшая женщина то гладила изуродованные руки Роберта, то, прижавшись к нему, нежно целовала его и дочку. Игорь с удивлением слушал их счастливый смех.

Однажды он невольно стал свидетелем, казалось бы, ничем не примечательного происшествия, которое, однако, стало событием в жизни Игоря. Был выходной день. Роберт, ещё не привыкший к костылям, медленно и неловко куда-то пошагал. Его жена, высоко подвязав юбку, мыла пол на веранде их домика.

Она почти закончила работу, когда в домике что-то загремело и покатилося. Бросив на крыльце тряпку и ведро, она метнулась в комнату. В это время возвратился Роберт. Оступившись на крыльце, он неловко костылём толкнул ведро, и грязная вода залила крыльцо и веранду, труды жены пошли насмарку.

«Ну, – подумал Игорь, – сейчас-то уже непременно будет скандал!»

Испуганная женщина, выбежав на крыльцо, стала бормотать извинения, повторять, что это её вина и она сейчас всё это уберёт. Роберт, схватив единственной рукой опрокинутое ведро, начал упрашивать жену простить его, это он, он виноват и сию минуту всё уберёт сам. Вдвоём они быстро всё привели в порядок, рассмеялись, постелив на крыльчке половичок, кликнули дочку. Втроём уселись на крыльце, обнявшись, женщина нежно гладила лицо и руки мужа, что-то тихо шептала ему.

Игорь был поражён. Казалось, перед ним открылся другой мир, где вопреки всему есть любовь и нежность и этот больной калека – любимый человек.

Здесь, в доме Пауля, кажется, никогда не кончается война, бесконечная канонада скандалов, обвинений и ругани – всё так похоже на довоенную жизнь семьи Игоря. А у истощённого, изуродованного Роберта есть любовь, нежность и настоящее семейное счастье!

Вот оно, семейное счастье – оно в тихой беседе на крыльчке после дневных забот, в умении понять, простить, защитить, несмотря ни на что. Оказывается, оно не миф, это семейное счастье! Вот так хотел бы жить и он, Игорь.

Ему вдруг стало необычайно хорошо. Перед глазами возникли усталое печальное лицо мамы и короткие торчащие косички Инки, её светлая чёлка, упрямо вылезаящая из-под косынки. Ему вновь остро захотелось домой, в Сталинград.

Через неделю пришёл приказ о демобилизации. Началась весёлая предотъездная суматоха. Попросив увольнительную, Игорь съездил в Берлин и на рынке купил золочёные часики с браслетиком для Инны и тёплый клетчатый шарф для мамы.

Он известил Инну телеграммой о времени прибытия их поезда в Москву и всю ночь, волнуясь, простоял у окна вагона, вглядываясь в силуэты чёрных деревьев и разрушенных, сожжённых деревень, мелькавших вдоль дороги.

В толпе встречающих на Белорусском вокзале он сразу увидел Инну. В тугой старенькой гимнастёрке и узкой юбке она выглядела похудевшей и будто подросла. Её сияющие глаза из-

под чёлки смотрели на него так радостно и доверчиво, что он сразу понял: вот она, его судьба, которой он будет предан до конца своих дней. Он будет беречь и любить её, никогда ни единым словом не обидит любимую. Так – будет!

С тех пор минуло пятьдесят лет.

...За окном вечерело. Не зажигая света, гости сидели молча. Только громкий стук настенных часов торжественно отсчитывал уходящие минуты жизни.

Обняв Инну за плечи, Игорь Теодорович задумался. Медленная светлая слеза скользнула по щеке Инны. Начался отсчёт шестого десятка лет их семейного счастья.

Иван

*Где ты, время, где ты, времечко,
Как одно я только думывал:
Где ты, как с тобой увидеться,
Одним словом перемолвиться.*

А. В. Кольцов

Семья Колесовых жила в деревне Сосновка на Белгородчине. Отец, мать и десять детей Колесовых – все трудились в колхозе, дома были только два младших мальчика – трёхлетний Коля и семилетний Ваня, герой нашего рассказа.

Семья жила трудно: собственного надела у них не было, а того, что выдавали по трудодням, едва хватало до нового года. Ваня на всю жизнь запомнил это сосущее ощущение постоянного голода, которое удавалось заглушить только ранней осенью, когда созревали грибы, ягоды и яблоки в лесу.

Когда в 1940 году в Белгороде объявили набор в строительное ремесленное училище, где готовили плотников, столяров и печников, отец выхлопотал в правлении колхоза справки для Ивана и отъезд пятнадцатилетнего Ваню в город на обучение. В училище было полное государственное обеспечение: форма, общежитие, питание, – и Ваня наконец-то впервые за свою короткую жизнь избавился от постоянного чувства голода, которое не оставляло раньше ни днём, ни ночью.

К середине июня 1941 года Ваня получил документы о присвоении разрядов столяра и плотника. В этот день он собирался возвращаться к родителям в Сосновку. Но утром 22 июня город был занят немцами. Это случилось так быстро и внезапно, что Ваня не знал, куда бежать, где найти укрытие от мин и снарядов, непрерывно летящих с неба. Забрав за здание железнодорожного вокзала, он увидел группу наших солдат с оружием, безуспешно пытавшихся связаться с кем-то по радию. Ваня обратился к ним с просьбой взять его с собой, но напуганный бледный сержант попросил мальчика доползти до командного пункта на вокзале, передать сведения об их положении и попросить помощи. Он неопределённо махнул рукой, показывая, где должен быть командный пункт, и Ваня пополз.

Никакого командного пункта он уже не обнаружил, снаряды рвались непрерывно, вокзал был полностью разрушен, и, не зная, что делать дальше, Ваня пополз обратно.

В траншее, где Ваня видел солдат, лежали трупы погибших бойцов, здесь был и сержант с рацией, отправивший его за помощью, – все были убиты.

На краю траншеи лежала раненая пожилая женщина. У неё не было ноги ниже колена, лужа крови натекла под неё, но она была ещё в сознании. В отчаянии Ваня взял пистолет, лежащий рядом с погибшим сержантом, и решил застрелиться: немцы были вокруг, он уже слышал их голоса и видел приближающиеся фигуры в серо-зелёной форме. Но обращаться с пистолетом Ваня не умел, он напрасно щёлкал курком, приставленным к виску, и вдруг почувствовал, что кто-то отвёл его руку от головы. Эта пожилая женщина, которая умирала от кровотечения, тихо, но твёрдо проговорила: «Не делай этого! Ты ещё молодой, кто знает, как повернётся жизнь!» В это время он услышал резкий визг летящей мины, раздался взрыв – и сознание покинуло его.

Пришёл в себя он в каком-то доме. Рядом на полу с ним лежали несколько русских солдат, так же, как и он, связанных по рукам и ногам. В комнате было множество людей, говорящих на немецком языке, у некоторых из них в петлицах сверкала серебряная свастика.

Так шестнадцатилетний Ваня Колесов попал в немецкий плен. У него была контузия, и около полутора месяцев потом он ничего не слышал и почти не говорил. Он плохо запомнил

первые дни плена, всё было как в тумане. Их погрузили в телячьи вагоны и долго куда-то везли. Сначала в вагоне были только русские пленные, потом к ним подсадили группу поляков. Разговаривать запрещали, раз в день давали кусок тёмного и какого-то скользкого, липкого хлеба и немного воды, выходить даже на полустанках не разрешали, охрана была многочисленной, за попытку отойти от вагона во время стоянки сразу стреляли.

Их привезли в какое-то немецкое село. Со связанными руками их выстроили шеренгой вдоль вагона. Перед строем прохаживался немецкий офицер со стеклом в руке, и вскоре появилась группа гражданских немцев.

Это были немолодые женщины и мужчины, которые внимательно рассматривали выстроенных пленных, будто выбирали. К Ване подошёл коренастый пожилой немец с плёткой в руке. Он тяжело опирался на трость и сильно хромал. Он указал на Ивана, вывел его из строя, открыл бумажник и передал офицеру какие-то деньги. Прошёлся до конца шеренги и вывел ещё одного невысокого русского парнишку, за которого тоже заплатил, и повёл обоих к бричке, стоявшей в стороне от вагонов. В бричке рядом с кучером сидел молодой белокурый поляк, который сказал, что они сейчас едут в поместье к пану Кноке, там будут работать.

Часа через два они подъехали к поместью. Это был большой, огороженный со всех сторон двор, где стояло множество хозяйственных построек, трёхэтажный добротный дом и были многометровые, раскрытые теперь теплицы и грядки с овощами. Поместье располагалось на берегу озера. Метрах в трёхстах от берега был небольшой остров, там тоже виднелись какие-то постройки.

Ребят отвели в подвал дома, развязали руки, и вскоре огромный, дурковатый с виду молодой немец с автоматом на груди принёс им несколько деревенских караваев хлеба и какую-то похлёбку.

В подвале уже находились два пленных француза, они лежали на полу, укрывшись шинелями, и не хотели ни с кем разговаривать. Ваня познакомился с парнем, которого привезли вместе с ним. Оказалось, что Матвей – его земляк, он тоже с Белгородчины, и теперь ребята решили, что будут всегда помогать друг другу, вдвоём выжить легче.

Наутро появился хозяин. Он был всё с той же плёткой в руках, привёл русского переводчика и объяснил ребятам, что теперь они будут жить и работать в его хозяйстве. Он, Герберт Кноке, выращивает овощи и цветы для солдат немецкой армии.

Они, пленные, будут жить в бараке на острове, откуда их ежедневно будут привозить на работу. Их работа – выращивание в теплицах, оранжерее и в открытом грунте огурцов, помидоров, баклажанов и зелени для нужд рейха. Если пленные будут хорошо работать – их будут кормить не хуже, чем кормят солдат в армии, но у каждого будет дневная норма и план. Невыполнение нормы, непослушание, попытки устроить беспорядки или бежать будут строго наказываться, на острове есть карцер. Арестованные в карцере еды получать не будут. Охраной пленных будет заниматься Ганс, племянник хозяина, которого они уже видели в день приезда.

Отрывистая, каркающая речь хозяина, его хмурое, злое лицо и эта плётка, которой он постоянно постукивал по голенищам сапог, не оставляли сомнения, что угрозы его будут приводиться в исполнение без промедления.

Утром всех усадили за стол во дворе, накормили и даже дали по чашке эрзац-кофе. Потом появились немцы – батраки хозяина, они развели пленных по делянкам, показали дневную норму, и до наступления сумерек все работали без перерыва. Вечером их снова покормили во дворе. Ужин был сытным: каша, овощи, хлеб, даже дали по кусочку рыбы.

Так началась их жизнь в плену.

В сумерках Ганс грузил всех в лодку и на вёслах отвозил на остров. Здесь были барак с двухъярусными нарами, дворовой галльон, баня и карцер. Утром, едва всходило солнце, Ганс вновь приезжал за ними на лодке, а на ночь барак запирали снаружи. Впрочем, за всё время их пребывания в плену никто и не пытался убежать. Они понимали, что находятся глу-

боко в немецком тылу, вокруг только враждебное окружение. И всё же ночами, поместившись вдвоём на нижней полке, Ваня и Матвей мечтали, как сюда придут наши войска и освободят их из плена. В победе Красной армии они, несмотря на победоносное шествие немцев по Европе, нисколько не сомневались.

Рабочий день продолжался весь световой день, дневные нормы были огромными, за невыполнение их наказывали. В обычные дни кормили сносно – два раза в день. Но в те дни, когда не удавалось выполнить дневную норму на делянке, ужин не давали, а на ночь отводили в холодный карцер. Никаких выходных дней не было. Охранник Ганс, никогда не расстававшийся с автоматом, при всяком удобном случае орал на них, норовил толкнуть, дать затрещину.

Через несколько недель они привыкли к новому порядку, приличная еда и чистый воздух способствовали тому, что к концу года все они окрепли, понемногу обучались языку и при случае могли перекинуться словами с батраками или служанками хозяина.

Организацией их быта, едой занималась жена хозяина – очаровательная девятнадцатилетняя блондинка Ульрика, которую шестидесятилетний вдовец Герберт взял в дом в прошлом году. Ульрика была добрым, весёлым существом, она всячески старалась смягчить участь пленных, даже сидящим в карцере старалась передать еду. Несмотря на то что пленные и батраки-немцы питались в одном и том же месте, хозяин запрещал батракам разговаривать с пленными, а попытки ребят поговорить с немцами строго наказывались, за этим постоянно следил его придурковатый племянник.

Так прошёл год. Ребята освоились в поместье, их по-прежнему сносно кормили, еженедельно устраивали баню, зимой барак хорошо отапливался, надзор за пленными постепенно стал мягче.

Все – и батраки, и пленные – любили милую Ульрику, добрую, хорошенькую, звонкую, как колокольчик. Но с самого начала – и это было очевидно для всех – Ульрика выделяла из всех Ивана. Да и было за что. В семнадцать лет это был уже взрослый, крепкий, высокий и сильный парень с широкими плечами, мощной грудью и ясными светлыми глазами. За год плена он ещё подрос, возмужал, его глаза с длинными, как у девушки, ресницами смотрели спокойно и внимательно.

Он был нетороплив, ловко и с удовольствием выполнял на ферме все плотницкие и столярные работы, да так хорошо, что однажды даже вечно хмурый и злой Герберт похлопал его по плечу: «Гут! Гут!»

На Рождество 1943 года Герберт устроил для всех работников и пленных праздничный ужин. Сам хозяин, Ульрика и Ганс тоже были за столом, где, кроме угощения, Герберт выставил бочонок пива и шнапс, который, впрочем, он пил один.

Это застолье отдалённо напомнило ребятам их новогодние семейные праздники, и за столом было весело. Один из батраков играл на губной гармонике, ребята даже немного потанцевали и хором спели такую популярную тогда в Германии солдатскую песню о Лили Марлен.

Иван молча рассматривал хорошенькую Ульрику, которая пела, танцевала, смеялась, как ребёнок. Она раскраснелась и похорошела ещё больше, но её муж, который угрюмо наливался шнапсом, вдруг рявкнул на неё, схватил за руку и вытащил жену из-за стола. Было видно, что она боится этого злого урода так же, как боялись его батраки и пленные. После ухода Ульрики веселье сразу сникло, и ребят снова увезли под замок на остров.

Иван долго не мог уснуть. Он всё вспоминал сияющие глаза Ульрики, её светлые локоны и лёгкую фигурку, её серебристый смех и маленькие ножки в грубых шерстяных гетрах и деревянных сабо. Он видел, что и она равнодушна к нему, и теперь каждую ночь перед сном представлял себе, как после окончания войны он приедет сюда, в поместье Герберта, и увезёт Ульрику с собой в Россию, ведь этот хромой урод – не пара юной очаровательной девушке.

Пошёл третий год их жизни в плену.

Однажды Иван работал в оранжерее, где росли кусты и деревья и круглый год цвели разнообразные розы. Хозяин приказал сделать новые стойки для штокрозы. Иван увлечённо работал рубанком и не заметил, как сзади тихонько подошла Ульрика.

Она долго молча рассматривала загорелый торс русского богатыря, потом, положив руку на плечо, развернула его к себе.

От неожиданности он растерялся, застыл, опустив руки. Ульрика встала на цыпочки и, притянув его голову к себе, поцеловала в губы. И тут же убежала, что-то напевая и смеясь. А он всё не мог прийти в себя, так и стоял, ошарашенно глядя ей вслед.

С той поры она каждый день старалась увидеть его, прикоснуться, поцеловать. К этому времени он уже мог объясниться по-немецки. Теперь у него есть мечта, а значит, и надежда. Было видно, что война идёт к концу, и скоро-скоро он увезёт Ульрику отсюда. О том, что будет дальше, он не смел и мечтать.

Они крепко подружились с Матвеем, но даже друг другу они не могли доверять свои мечты. Шёл 1944 год. Однажды его послали в теплицу, где нужно было собрать помидоры с вьющихся кустов. Вдруг на дорожке появилась Ульрика. Улыбаясь, она бросилась ему на шею и стала осыпать лицо мелкими быстрыми поцелуями.

Он блаженно закрыл глаза, а когда открыл их – прямо напротив, покачиваясь с носков на пятки и положив руки на автомат, стоял мерзкий Ганс – племянник хозяина. Он погрозил Ивану кулаком и быстро пошёл к выходу из теплицы. Ульрика бросилась следом. Через несколько минут Ганс вернулся вместе с хозяином. Они выволокли Ивана во двор и жестоко, долго и с наслаждением избивали его сапогами, и плёткой, и Гансовым автоматом. Потом его бесчувственным бросили в лодку, перевезли на остров и закрыли в карцере. Его держали в карцере целую неделю, не подпуская к нему никого, не кормили, только раз в день давали воду.

Через семь дней он, похудевший, обросший, без сил и без надежды, вышел из карцера, и с тех пор его посылали только на самые грязные и тяжёлые работы.

Он узнал, что так же зверски хозяин и Ганс избивали Ульрику, бросили её в подвал, и в течение недели она лежала там одна в коме, а хозяин не позволял подходить к ней никому. Она умерла на восьмой день. Всем сказали, что она умерла от воспаления лёгких.

Вскоре у хозяина появилась другая домоправительница – пожилая костистая фрау Ядвига, которая расхаживала, как хозяин, с плёткой, ни с кем не разговаривала, только отдавала короткие злые приказы. Положение у пленных и батраков ухудшилось, их стали кормить хуже. Тем временем война продвинулась к границе Австрии. Ферма Герберта стояла на границе между Австрией и Германией, их разделяло озеро.

Все работники, и пленные, и батраки, теперь сторонились Ивана, они считали его виновным в смерти Ульрики.

Война быстро подходила к заключительному этапу. Всё чаще пролетали советские самолёты, всё отчётливее была слышна канонада приближающихся боев, появилось множество беженцев с востока. Слухи о падении рейха уже не были секретом. Один за другим с подворья Герберта исчезали батраки и служанки. Воздушную тревогу объявляли теперь каждый день. Тогда хозяин с домочадцами прятались в подвал, но пленным он не позволял прерывать работу даже под обстрелом и по-прежнему жёстко контролировал их, а на ночь, как и раньше, Ганс запирали их в бараке на острове.

Было ясно, что приближающийся конец военных действий радует только русских – Ивана и Матвея. Они, сговорившись, стали готовиться к побегу. Набрали хлеба, спрятали на берегу огурцы, лук и бутылки с водой, и однажды днём, едва была объявлена воздушная тревога и хозяин с домочадцами спустились в подвал, Ваня с Матвеем побежали к озеру. Ганс по-прежнему сидел возле лодки, повернувшись спиной к дому. Ребята оглушили немца камнем и, пока он не пришёл в себя, отвязали лодку и на вёслах поплыли к дальнему берегу озера, откуда слышалась канонада.

Опасаясь преследования, Ваня и Матвей весь день, сменяя друг друга на вёслах, гребли к тем местам, где, было уже очевидно, идёт бой. Они подплыли к берегу, спрятали лодку в камышах и в сумерках попытались подняться на берег. Где-то периодически раздавались выстрелы, и когда Матвей попытался первым выйти из камышей, то раздался выстрел, и он упал, умер сразу. Теперь Ваня остался совсем один.

До утра Иван просидел в камышах, а утром он услышал русскую речь. Два солдата спустились с котелками к озеру и, увидев безоружного Ивана, приказали ему остановиться. Ему связали руки, не слушая его объяснений, привели в землянку, где располагался офицер СМЕРШа. Начались допросы. Ничего не тая, Иван рассказал следователю и историю своего пленения, и события своей жизни в плену, и искренне поведал об условиях жизни и порядках в поместье Герберта. Только о несчастной Ульрике он ни теперь, ни когда-либо потом не рассказывал.

Ивана арестовали, ему не позволили воевать вместе с красноармейцами, все, кто побывал в плену, независимо от условий пленения, в Советском Союзе считались предателями, вражескими лазутчиками и врагами народа.

Не солдатом, не победителем вернулся Иван на родину, а арестантом, осужденным на десять лет лагерей без права переписки.

Он отсидел в лагере на Северном Урале от звонка до звонка и только после смерти Сталина и окончания срока заключения получил справку об освобождении.

В лагере работал на лесоповале и, как многие на Севере, заболел дистрофией и цингой, от которых погибали в лагерях десятки, сотни заключённых.

В лагерьном лазарете он познакомится с Ксенией, медсестрой, которая и спасла его от голода и цинги, принося отвар еловых веток и какую-то домашнюю еду.

После окончания срока заключения Иван и Ксения поженились, и лишь в 1956 году Иван с женой наконец приехали в его родную Сосновку. Ни отца, ни матери, ни братьев уже не было. От всей большой семьи остались сестра Валя и Коля, младший брат Ивана. Они по-прежнему жили в старом, разваливающимся отцовском доме, никто из них не завёл семьи – жить было нелегко.

Иван оказался старшим в семье. Он устроился работать на железную дорогу, и вместе с женой, сестрой и братом за три года на отцовском подворье они выстроили себе новое жильё.

А дальше была долгая и совсем не простая жизнь. Только в 70-х годах Ивану Михайловичу выдали документы о реабилитации, в конце восьмидесятых, уже семидесятиррёхлетним, он наконец получил удостоверение участника ВОВ, военную пенсию и с него сняли обвинения в предательстве и пособничестве фашистам.

Судьба свела нас с Иваном Михайловичем в подмосковном санатории, где мы с мужем отдыхали осенью 2015 года.

Здесь девяносточетырёхлетний Иван Михайлович и рассказал нам историю своей жизни, своей трагической первой любви к немецкой девушке, о которой он не забывал никогда.

Он с благодарностью вспоминал двух женщин, спасших его от смерти в те страшные годы: ту пожилую женщину в первый день войны, не позволившую ему покончить с собой, и свою, теперь уже покойную супругу Ксению, спасшую его от смерти от цинги и дистрофии, от которых умирали сотнями заключённые в сталинских лагерях.

Иван Михайлович жив. Его честную жизнь Создатель наградил долголетием. В ноябре 2021 года он отметил свой вековой юбилей. У него ясный, светлый ум, и, встретившись с ним через пять лет после нашего знакомства, я с удовольствием вижу, что он сохранил в памяти мельчайшие подробности прошедших лет и внешнюю привлекательность: всё те же светлые глаза под девичьими ресницами, высокую, совсем не старческую фигуру с мощным разворотом плеч, спокойный приглушенный голос и способность ничему не удивляться и радоваться каждому дню жизни.

Я помню! Я горжусь!

*Какие бы ни проходили сроки,
Какие б времена ни подошли,
Я вновь и вновь благодарю дороги,
Которые когда-то нас свели.*

Мы познакомились в 2001 году, когда Ким обратился в наш медицинский центр в связи с хроническим заболеванием, беспокоившим его много лет. Клинические симптомы и данные анализов в то время свидетельствовали о начале опухолевого процесса, и я попросила провести дополнительные исследования в профильной клинике. Он не согласился, уверяя меня, что результаты исследований либо ошибочны, либо случайные, а он, если сможет получить от меня рекомендации по лечению, будет аккуратно их выполнять и к концу года все его анализы будут нормальными. Никаких дополнительных обследований ему не нужно, он отказывается их проводить. С тем и удалился.

Прошло несколько месяцев. В научно-популярном журнале «60 лет – не возраст» вышла моя статья об особенностях физиологии и режима в старшем возрасте. Не зная, что статья написана врачом, с которым он не нашёл общего языка, Ким попросил мои координаты в редакции и вновь оказался на моём приёме.

Он, как и в первый раз, стал настаивать на назначении ему гомеопатической терапии, и опять я услышала его уверенное обещание, что не позднее декабря (то есть через пять месяцев) его анализы придут в норму и он справится со своим недугом.

Тот лечебный комплекс, на котором он настаивал, по общепринятому мнению, небезопасен: в 50% случаев он может стимулировать опухолевый рост. Но ведь больной уверен в успехе и утверждает, что это лечение повредить ему не может!

Альтернативой предполагаемой терапии была только тяжёлая полостная операция с неизменными осложнениями, и я решила рискнуть. Будущее показало, что Ким оказался прав: к концу года и самочувствие больного, и данные исследований указывали на наступление длительной ремиссии или полного выздоровления.

Последующие восемнадцать лет подтвердили, что это комплексное лечение в сочетании с настойчивостью больного и его верой в успех приводит к ликвидации симптоматики и предупреждает опухолевый рост.

С тех пор Ким стал моим постоянным пациентом. Он предпочитал все свои хвори лечить не синтетическими лекарствами, а натуропатией, отдавая предпочтение гомеопатическим средствам.

Его привлекательная внешность, спокойная и доброжелательная манера общения, непоколебимая уверенность в том, что любые препятствия временны и в конце концов всё будет хорошо, не могли не располагать к нему. К восьмидесяти годам это был стройный, моложавый человек с открытым спокойным взглядом и совершенно неотразимый в своём флотском мундире с «иконостасом» наград на груди.

Необычность его поведения заключалась ещё и в том, что он, капитан первого ранга и участник Великой Отечественной войны, на вопросы о войне предпочитал рассказывать не о себе, а о своей тяжело больной жене, известной разведчице и партизанке Кате, прошедшей Великую войну от первого до последнего дня на передовой. Он так трогательно, с такой нежностью рассказывал о своей жене, будто это его любимая девушка, а не старая тяжелобольная женщина, общение с которой становилось всё более сложным.

И однажды я поняла, вот какой он, Ким Лявданский, верный друг и заботливый муж. Больные часто на врачебном приёме рассказывают об особенностях своей семейной жизни,

но крайне редко мужа, отметив золотой юбилей свадьбы, говорят о своих немолодых жёнах с такой нежностью и заботой.

Он и впрямь был человеком необычным. Ко времени нашего знакомства он был восьмидесятилетним, но всё ещё работал в Южном порту, активно занимался общественной деятельностью и, несмотря на возраст и заслуги, по первому зову бросался помогать страждущим и не любил говорить о своих добрых делах. Позже мне не раз довелось в этом убедиться.

Мы были знакомы уже несколько лет, когда произошла эта история с его давним другом и однополчанином – капитаном первого ранга Григорием Никаноровичем Паниным.

В середине восьмидесятых Григорий, закончив свою морскую службу, вернулся с семьёй в Москву и, как участник и ветеран войны, получил в Замоскворечье отличную трёхкомнатную квартиру. К концу девяностых семья осиротела: после долгой болезни умерла жена Григория, и они остались вдвоём с взрослой незамужней дочерью Октябриной, возраст которой приближался к сорокалетию, она нигде не работала.

Через несколько лет отношения Григория с дочерью разладились. Она то бесконечно раздражалась и кричала на него, то неделями без причин не разговаривала, перестала ухаживать за пожилым отцом, по несколько дней не готовила еду. Никакие объяснения, выяснение причин таких поступков не давали ничего. Желая как-то наладить мир в своей семье, Григорий согласился с предложением Октябрины: теперь она по доверенности будет сама получать его пенсию – зачем ему лишний раз выходить из дома? Но хрупкий мир после этого продержался лишь несколько дней – вновь начались претензии, скандалы, а потом дочь приказала отцу: когда она дома, он не должен выходить из своей комнаты, он мешает ей и на кухне, и в ванной, и на лоджии.

Обстановка особенно накалилась, когда однажды утром Григорий обнаружил на кухне сидящего за столом здорового мужика в трусах, расписанного выразительными татуировками на груди, спине, плечах, даже кистях. Мужик, как у себя дома, вольготно раскинулся на диванчике, курил, что-то пил и ел, а Октябрина, порхая между плитой и столом, радостно щебетала и подкладывала амбалу всё новые закуски. Увидев Григория Никаноровича, мужик набычился и гаркнул: «Тебе чего?»

Попытки Григория выяснить, что и по какому праву делает здесь этот гость, закончились тем, что ему приказали заткнуться и не выходить из своей комнаты, пока они с женой (!) здесь на кухне едят. Октябрина хихикала и радостно кивала головой.

Григорий Никанорович позвонил Киму: «Что делать?» Он не согласился с предложением Кима вместе разобраться с незваным квартирантом, попросил времени – может, всё само успокоится. Ежедневно они с Кимом перезванивались, а потом Григорий вдруг исчез. Не отвечали ни сотовый, ни его квартирный телефоны. Участковый, к которому Ким тут же бросился, сообщил, что старичок приболел и его забрали в больницу. В какую – он не знает, порекомендовал связаться с дочерью Панина.

Телефоны старого моряка по-прежнему безмолвствовали, в квартире двери никто не открывал. Через два дня всё разъяснилось. Под вечер Григорий сам позвонил Киму и сообщил, что он находится в загородной больнице для психохроников. Несколько дней назад он простудился, приболел, покашливал. Дочка, несмотря на его возражения, вызвала бригаду медиков. Два дюжих молодца, не разговаривая, положили старика на носилки и долго везли в больницу.

По вечернему времени Григорий Никанорович не сразу разобрал, куда его привезли. Показалось необычным, что все двери в больнице тщательно запирали, а по коридорам бродили странные личности в больничной одежде. Здесь Григорий Никанорович обнаружил, что у него нет с собой ни денег, ни ключей от квартиры – вообще ничего, кроме пижамы и тапочек. Лишь утром он узнал, что находится в областной больнице для психохроников, и только через два дня к нему пришёл врач.

Доктор, нимало не удивляясь требованиям Григория Никаноровича отпустить его домой, объяснил, что его привезли сюда по ходатайству его дочери, Октябрины Григорьевны, которая в заявлении указала, что отец стал неадекватным и опасным: часто конфликтует, бьёт посуду, грозитя расправой, оставляет на ночь включённой газовую горелку под чайником, жить с ним тяжело и страшно.

Доктор пообещал старому моряку разобраться с его болезнью, но для этого он должен по крайней мере недели две понаблюдать больного и сделать своё заключение. Вот сейчас уже четвёртый день его наблюдают и дают какие-то лекарства. Позвонить Киму Григорий уговорил дежурную медсестру.

Назавтра Ким разыскал эту загородную больницу в 50 километрах от Москвы, встретился с доктором, вердикт которого был прежним: надо наблюдать. Потом несколько дней Ким ездил по инстанциям: главный врач – департамент здравоохранения – психолого-психиатрическая экспертная комиссия.

Григорий Никанорович пробыл в больнице три недели. Потом – за отсутствием психической патологии – его отпустили. Накануне выписки его навестила Октябрина с требованием разрешить прописку в их квартире её гражданского мужа, недавно вернувшегося из заключения. Заодно Октябрина потребовала от отца подписать ей дарственную на эту квартиру: отец болен, и неизвестно чем закончится его болезнь.

На звонок с вопросом, что делать, Ким порекомендовал никаких бумаг не подписывать. Он поехал за другом в больницу, но оказалось, что жить Григорию теперь нигде: ключей от квартиры у него нет, дверь в квартире никто не открывает, а соседка ответила, что его дочка с мужем уехали отдыхать. Взламывать дверь Григорий Никанорович не решился. Ким забрал Григория к себе, и в течение двух месяцев через суд друзьям удалось добиться возвращения квартиры владельцу, её размена и ликвидации доверенности на получение пенсии отца, которую Григорий так неосмотрительно дал Октябрине в прошлом году. Несмотря на скандалы Октябрины и угрозы её партнёра-уголовника, Григорий Никанорович получил наконец для себя однокомнатную квартиру. Отношения с дочерью были полностью прекращены.

Ким помог Григорию через Пенсионный фонд заполучить постоянную сиделку, Валечку, приехавшую из Крыма. Поселившись в квартире Григория, она трогательно и преданно ухаживала за пожилым капитаном более семи лет, до самой его кончины. Мы видели безутешное горе Вали на похоронах Григория. Незадолго до смерти Григорий Никанорович и Валя оформили свой брак. Октябрина на похороны отца не пришла.

До самого конца Ким помогал и поддерживал друга и не считал это своей заслугой. Ему ещё не раз придётся вступаться за обиженных: помог фронтовому другу восстановить утерянные документы участника ВОВ, через Совет ветеранов «выбил» квартиру одинокому инвалиду без ноги. Для него подобные поступки были обычной жизнью: он так жил.

Прошло около десяти лет после нашего знакомства. Всё это время Ким периодически появлялся у меня на консультациях, интересно рассказывал о своих путешествиях, всё так же трогательно заботился о жене, болезнь которой прогрессировала. Тем ужасным летом 2010 года Катя, супруга Кима, скончалась, и на очередной приём ко мне его привёл сын Алёша. За два месяца до смерти жены Ким перенёс тяжёлый инфаркт миокарда с остановкой сердца, и теперь на фоне депрессии, связанной с кончиной Кати, остро развилась сердечная недостаточность. Состояние его было столь опасным, что помочь могло только лечение в профильной клинике. Однако и после стационарного лечения депрессия не уходила. Кима, всегда спокойного и оптимистичного, теперь трудно было узнать. Он рассказал, что при подобных обстоятельствах около десяти лет назад на фоне тяжёлой депрессии от инсульта скончался его брат Иосиф.

Вопреки обыкновению, Ким выглядел обречённым. Помочь ему было не только моим врачебным долгом, и не только жалость заставила меня использовать максимум возможностей,

чтобы спасти его от неизбежного: в восемьдесят шесть лет, после двух инфарктов и инсульта, в состоянии хронической сердечной недостаточности и на фоне тяжёлой эндогенной депрессии его выздоровление казалось почти невозможным.

Обстоятельства сложились так, что в это время я получила направление в загородный реабилитационный центр и сказала Киму об этом. Через неделю, когда моё лечение в реабилитационном центре уже началось, в отделении появились Ким и Алёша, который сказал, что он привёз отца по его настоянию сюда – экстренную путёвку ему дали как фронтовику и ветерану.

В этой больнице мы провели вместе около месяца. Вдобавок ко всему у Кима развилась двухсторонняя пневмония, но уже через неделю он и выглядел, и чувствовал себя несравненно лучше. Была чудесная снежная зима. Мы много гуляли по громадному больничному парку и говорили, говорили обо всём. Сердце не остывает и в старости, эмоции не покидают нас никогда.

Это был интересный, широко образованный человек, обошедший за время своей службы половину мира. Он отлично пел и любил исполнять свои морские песни, читал стихи, много рассказывал о друзьях и сослуживцах, но – я видела это отчётливо – как и многие люди, прошедшие мясорубку войны, о войне рассказывать не любил.

Его отношение к людям и взаимоотношения в семье строились на двух парадоксальных принципах: никогда не ищи виновных и относись к людям лучше, чем они заслуживают. Несмотря на внешнюю мягкость его характера, в принципиальных вопросах он был жёстким, что не мешало ему иметь множество друзей по всему свету.

Из больницы мы вернулись вместе и уже никогда, до самой его кончины, не расставались. В нашу жизнь пришла Большая Любовь, такая неожиданная и невероятная! Жизнь снова стала драгоценной и полной смысла.

Случилось чудо. Депрессия и все его хронические болезни ушли. Целых семь лет он был практически здоровым. В этом новом мире каждый день был праздником. Мы шутя создали «своё королевство», в котором властвовал разумный и милосердный монарх, был свой, ежедневно исполняемый гимн, государственный флаг, роль которого выполнял синий пушистый халат, в который «король» облачался, как в мантию, ежеутренне и ночью, когда из-за болей в ногах не мог уснуть. Он придумал гимн нашего «королевства», и каждый день я слушала теперь: «Скажите, девушки, подружке вашей...» Мы практически не расставались. Он провожал меня на работу и, как правило, ждал меня там до окончания рабочего дня. Мы стали завзятыми театрами, пересмотрели весь репертуар театров сатиры и музыкальной комедии и много путешествовали по России – проехали более 50 крупных и малых городов. Чудесным образом изменились и его (и моё тоже) самочувствие, и внешний вид. Он помолодел, похорошел необыкновенно, и я с гордостью замечала, какими заинтересованными взглядами провожают моего мужа и среднего возраста, и молодые дамы. В день празднования своего девяностолетия он лихо отплясывал с девушкой, исполнявшей восточные танцы, и пригласил всех присутствовавших в этот же ресторан на свой столетний юбилей.

Однажды в поликлинике, где мы ждали приёма у врача, к нему со слезами обратилась пожилая женщина, стала за что-то благодарить, показывая на стоящую рядом девушку. На мой вопросительный взгляд он отмахнулся: «Пустяки! Дела давно минувших дней!»

Позже Валентина Ивановна, а затем и Ким рассказали мне эту историю восемнадцатилетней давности. После окончания воинской службы пятидесятилетний капитан Ким вернулся в Москву и стал работать капитаном рейда в Южном порту. Крепкий профессионал, он, видимо, сразу вызвал доверие товарищей и, помимо основной работы, стал исполнять обязанности народного заседателя Таганского районного суда и руководителя бригады пропагандистов – близилась выборы в Верховный Совет СССР.

На одном из заседаний Таганского суда рассматривалось дело об усыновлении новорождённой девочки её дедом и бабушкой – мать малышки умерла в родах. В суде старикам (деду –

шестьдесят лет, бабушке – пятьдесят восемь) в усыновлении отказали по причине преклонного возраста. Суд поддержал решение комиссии райисполкома по этому вопросу. Уже была подобрана бездетная пара, желавшая получить ребёнка прямо из роддома. По этой причине бабушке и дедушке в роддоме даже не показывали девочку. Убитые горем старики со слезами покинули зал. Ким попытался возражать, но его даже не выслушали, заседание суда быстро свернули. Отказ был окончательным.

Прошло несколько дней. Однажды Кима вызвали в партком Южного порта. Секретарь предупредил о грозящих Киму неприятностях. На участке, где работала бригада пропагандистов, возглавляемых Кимом, случилось ЧП. Одна из семей категорически отказалась идти на выборы по политическим (!) мотивам. Семья кадровых рабочих АЗЛК, к тому же получивших от завода давно ожидаемую квартиру. Это было неслыханно! Шёл 1986 год, советская власть крепка и нерушима. У неё нет и быть не может политических противников! Нужно срочно разобраться и предупредить этих людей о серьёзной ответственности за подобный демарш, да и Ким, как руководитель, понесёт наказание за просчёты в политработе с населением. Люди, устроившие такой бунт, могут поплатиться не только репутацией, но и возможностью проживать в столице. Ким поехал по указанному адресу и с удивлением узнал в женщине, открывшей дверь, ту несчастную бабушку, что так рыдала в суде.

Валентина Ивановна рассказала, что около двух недель назад в роддоме умерла в родах их единственная тридцатилетняя дочь. Новорождённую девочку удалось спасти, но ни в роддоме, ни в комиссии исполкома, куда они обращались, слышать не хотят об усыновлении малышки дедом и бабушкой. Они старики и не успеют вырастить ребёнка; семья для усыновления уже подобрана, ждут, когда оформят бумаги. Теперь вот и районный суд отказал. Ни она, Валентина, ни её муж, ветеран АЗЛК, не будут голосовать за эту власть, которая отбирает у них единственную радость. Так они сказали и агитаторам, и всем соседям, если придётся – скажут и в других местах.

У окна комнаты грустила новая детская кроватка с игрушками, в коридоре стояла покрытая попонкой детская коляска...

Ким не стал утешать женщину, пообещал попытаться помочь, и тут же отправился по инстанциям, которые так неудачно прошли старики. Несколько дней он ходил от чиновника к чиновнику, но всё было напрасно. В комиссии исполкома корпулентная дама с высокой причёской, презрительно оглядев его, спросила, какой интерес его привёл в исполком. Что он-то хочет получить?

Надев свой военный мундир с «иконостасом» наград, Ким отправился в редакцию «Литературной газеты», нашёл там известную в то время журналистку Лидию Графову и убедил провести журналистское расследование.

Надо сказать, что по тем временам никакие публикации критического толка в центральных газетах не оставались без последствий.

Через три дня в газете появилась огромная статья Л. Графовой об этой истории, журналистка добросовестно описала роль участника Великой Отечественной войны капитана первого ранга Кима Лявданского в расследовании. Неожиданно возник громкий резонанс на статью. Незнакомые люди звонили в редакцию и лично Киму, благодарили за смелость в борьбе с чиновниками. Товарищи по работе одобрительно расспрашивали о подробностях этого дела.

Через два дня Кима и несчастных стариков вызвали в комиссию райисполкома, и та же чиновная дама, теперь уже необычайно приветливая и услужливая, сообщила, что комиссия сочла возможным, уважая выступление газеты и ходатайство Кима, участника ВОВ, пересмотреть обстоятельства спорного усыновления и разрешить деду и бабушке усыновление новорождённой внучки.

Они вместе поехали в роддом, и наконец дедушка и бабушка, а с ними и Ким увидели девочку. Счастью стариков не было границ. Участковый врач, к которому в эти дни зашёл Ким,

вдруг сказала ему, указывая на лежащую на столе газету: «Я знала, что Вы хороший человек, но что такой хороший – и не догадывалась!»

Так закончилась эта драматичная и опасная для всех история. Старики живы. Внучка Наташа теперь студентка медицинского института, добрая помощница и любящая дочь стариков.

Ким прожил 94 года, неизменно оставаясь живым, общительным интеллектуалом, мы успели вместе разработать свою, оригинальную программу антистарения, и все новые её позиции я, как врач, проверяла на нем. Озвучивала, публиковала. Он шутя называл себя моим учебным пособием. Мы мечтали написать вместе серию рассказов о безвестных героях, его и моих друзьях и близких, которые своей жизнью творили историю нашей родины.

Он отважно и мужественно переносил свои многочисленные хвори, никогда ничего не просил, не жаловался, до последних дней сохранил ясный ум и оптимизм.

Был поздний октябрь. Мы отдыхали в санатории. Чудесный парк, лучи заходящего солнца – всё навевало сладкую печаль. Откинувшись на спинку скамьи, Ким запел: «Скажите, девушки, подружке вашей...» – и вдруг замолк, потерял сознание. Из комы он больше не вышел.

Степень моего отчаяния не измерить. В каком-то ступоре прошло почти полтора месяца. В тот день я с трудом поднялась и бездумно сидела у стола, глядя на разбросанные листы бумаги с заметками, которые так и не стали нашей общей книгой рассказов о героях. Вдруг из двери спальни за моей спиной бесшумно вышел Ким в синем пушистом халате. Он, не глядя на меня, шёл к двери в коридор и, когда я рванулась вслед, вдруг обернулся и, указывая на разбросанные по столу бумаги, отчётливо произнёс: «Пиши!» – и исчез. Это случилось на сороковой день после его кончины.

Мы успели вместе распланировать написание рассказов о героях наших дней. Эту книжку «Я помню! Я горжусь!» я заканчивала теперь без него, она издана к 75-летию Победы. Ким, как и я, автор этого сборника.

А в середине 2021 года произошло событие, о котором он давно мечтал. В Кёльне, где живёт семья его внука Дениса, родился мальчик, правнук Кима. Родители дали ребёнку имя прадеда – Ким.

Поздно!

*Унеслись невозвратимые
Дни тревог и милых бурь,
И мечты мои любимые,
И небес моих лазурь.*

Д. В. Давыдов

После ареста мужа, генерала железнодорожных войск, Анна Афанасьевна с детьми уехала в деревню к родственникам, подальше от прежнего места их жительства. Она опасалась ареста и репрессий, которым незамедлительно подвергались семьи врагов народа. Иван Иванович, обвинённый в шпионаже, будет решением специальной тройки через несколько дней расстрелян, и лишь в 80-х годах, уже после смерти мамы, Владимир получит реабилитационные документы на отца и узнает о его судьбе.

А пока Володя, не по годам крупный, широкоплечий тринадцатилетний подросток, стал главным помощником и опорой матери. Он умел делать всё, хоть и вырос в генеральской семье. Отец будто предвидел, как сложится их жизнь, – научил детей всем премудростям быта. И Николай, старший брат, и Володя пошли работать в колхоз на комбайны, но не бросали школы и к началу войны оба закончили девятый класс.

Немцы быстро приближались к Донбассу. Николай был мобилизован в первую же неделю, а шестнадцатилетний Володя, прибавив себе год по документам, упросил в военкомате отправить и его в армию. Он не мог и представить, какой с этого дня будет его тяжкая и незабываемая десятилетняя военная служба, в которой он обойдёт полмира.

А пока он попрощался с мамой и сёстрами, пообещал им, что фашистов обязательно разобьют, что победа будет за нами, а он скоро вернётся домой. Он пройдёт эту войну до последнего дня, перенесёт три тяжёлых ранения и контузию, после которой на два месяца лишится речи и до конца дней будет ходить слегка прихрамывая на раненую ногу. Это будет долгая и кровавая бойня, которая погребёт под собой миллионы жизней.

К концу войны он со своей стрелковой ротой окажется в маленьком городке в Восточной Пруссии – в Гутштадте. Здесь его, старшего лейтенанта и коммуниста, назначат главой временной военной администрации и поселят в особняке сбежавшего бургомистра, экономка которого, пожилая величественная фрау Марта, будет прислуживать ему, готовить еду, присматривать за жильём.

Нелегко было Владимиру осваивать новый для себя вид деятельности: на оккупированной территории остались лишь дети, женщины да старики, они голодали; в городе не работал водопровод, не было отопления и связи, жильё по большей части было разрушено; с утра до ночи на приём к новому бургомистру шли просители. Нужно было заботиться и об устройстве советских солдат – словом, приходилось заниматься всем чем угодно, чтобы как-то наладить, обустроить мирную теперь жизнь.

Местное население не было в восторге от советской оккупации, он постоянно ощущал эту вражду. Да и фрау Марта не скрывала своего презрения к новому бургомистру, не знала и не хотела знать русской речи. К этому времени Владимир уже превратился во взрослого, крупного и статного мужчину, спокойного, неторопливого, внушавшего невольное уважение окружающим.

В роте служили два его земляка – Сергей и Саша, они вместе прошли всю войну. Однажды Володя вытащил полумёртвого Сергея с поля боя, тот получил ранения обеих ног и погибал от кровотечения. Александр в своё время нёс раненого Володю на себе более трех километров до медсанбата. Их фронтовая дружба останется крепкой до конца жизни. Они вме-

сте демобилизуются, вместе потом будут работать в Кузбассе, вместе с Володей переберутся в Донецк и всегда будут помогать друг другу, непременно ежегодно встречаться в дни годовщины Победы. Только здесь будут бесконечно литься воспоминания о трагических, кровавых и незабываемых днях войны, о фронтовых друзьях, павших и живых. Здесь, уже седые и умудрённые опытом, они скажут, что не было в их жизнях времени более тяжёлого и более счастливого, чем эти военные годы, и эта страшная военная пора всю жизнь им была опорой. Саша и Сергей почти одновременно уйдут из жизни в 80-х годах, и Володя похоронит их на старом кладбище рядом.

А пока Володя – строгий и решительный бургомистр Гутштадта, а в сущности – двадцатилетний мальчик, который по роду своей службы должен быть взрослым и важным, но который побаивается суровой старухи фрау Марты.

Он с недоумением разглядывает громадный обеденный стол, накрытый для него одного, где лежало множество серебряных вилок и ложек, фарфоровые тарелки, салфеточки. Что с ними делать и зачем столько? Фрау Марта величественно вносит в столовую поднос с нарезанным хлебом и единственной тарелкой супа, приготовленного из его пайковой тушёнки.

Как человек воспитанный и важный, он не может наклонять тарелку, доедая суп, и оставляет часть супа на дне тарелки. Назавтра фрау Марта приносит порцию супа ровно на столько меньше, сколько он не доел вчера. Так продолжается несколько дней, пока однажды фрау Марта не ставит перед ним тарелку, на дне которой плещутся две столовые ложки жиденького супа. Другой еды нет. Тут уж он возмутился, позвал переводчика и с его помощью узнал, что по-другому фрау поступить не могла. В то время, когда тысячи немцев голодают, господин комендант так расточителен, что не съедает полностью свой обед!

Неприступная фрау Марта и слышать не хотела, что она морит голодом стеснительного коменданта. Впрочем, они скоро привыкли друг к другу и даже подружились, и фрау Марта лила горькие слезы, когда к концу 1945 года Володя, сдав дела назначенному властями местному бургомистру, демобилизовался и уехал домой.

По возвращении в Сталино Володя экстерном сдал экзамены за среднюю школу, поступил на работу на домостроительный комбинат и за два года окончил вечерний строительный техникум.

А в октябре 1947 года его снова забрали в армию. Присвоив очередное воинское звание (теперь – капитана), его и ещё нескольких молодых офицеров-фронтовиков на самолёте отправили в долгосрочную командировку на северо-восток Сибири. Ни цели командировки, ни длительности, ни места их новой службы им не сообщили, взяли подписку о неразглашении. Через несколько часов они были уже в глухой сибирской тайге, в военном городке, расположенном вдали от всех населённых пунктов.

Они оказались на секретном объекте, где развернулось строительство подземных шахт для баллистических ракет. Население городка – молодые офицеры-фронтовики, физически крепкие, все коммунисты. Кроме них, несколько гражданских лиц – сотрудников научного руководителя объекта, профессора, специалиста по глубокому бурению. Л. П. Берия лично курировал этот объект.

Профессор – в звании генерала НКВД – невысокий полноватый украинец, при встрече с сотрудниками на территории объекта со всеми здоровался за руку, всех именовал голубчиками, участливо расспрашивал, довольны ли жильём и питанием, есть ли какие жалобы или просьбы. В городке его любили и слегка подтрунивали над чудаковатым профессором, который всегда был одет в вышитую украинскую рубаху с цветным витым пояском и только однажды, в день приезда Л. П. Берии, обрядился в свою генеральскую форму – видно было, что она ему не по нраву.

Объект был строго изолирован. Несмотря на то что основные работы велись под землёй, сам городок был огорожен высоким забором с двумя рядами колючей проволоки поверху.

По углам – смотровые вышки с круглосуточной охраной и громадными сторожевыми псами. Положение работающих здесь мало отличалось от положения заключённых. Выход за территорию объекта категорически запрещён. За годы службы Володя лишь один раз смог побывать с сослуживцами в тайге на охоте, но даже тогда они не узнали точного адреса их городка.

Жили все обитатели объекта в бараках-общежитиях, в комнатах по четыре человека. В комнате четыре кровати, у каждой – тумбочка, под кроватью – небольшой чемодан с личными вещами. Вешалки с верхней одеждой в коридоре. Двери комнат закрывать нельзя. Удобства – во дворе. Вокруг барачков круглосуточная охрана. Переписка с родными строго регламентирована, вся корреспонденция проверяется военной цензурой. Рабочий день 11—12 часов, никаких развлечений не допускается. Выходной – один день в неделю, он же банный день, в баню за территорию лагеря водили группами и под конвоем.

Раз в двое суток в общежитиях проходили обыски. Ночью, между двумя и шестью часами утра, дверь комнаты распахивалась, входили четверо вооружённых людей. Они приказывали всем встать; молча и быстро следовал обыск постояльцев, их кроватей, тумбочек, чемоданов. Потом так же молча охрана уходила. Иногда по непонятной причине кого-то уводили с собой, о судьбе этих людей потом никто ничего не знал, спрашивать было опасно.

На третьем году службы однажды ночью так же увели генерала-профессора. Утром его тут же, за территорией городка, расстреляли. Причина – шпионаж. Собрали всех обитателей городка и известили об этом. И без того тяжёлая атмосфера ещё более сгустилась, усилились строгости режима.

Скоро на смену профессору приехал новый начальник. Это был высокий, угрюмый и вечно раздражённый полковник. В отличие от предшественника он ни с кем не разговаривал, не здоровался, его боялись; обыски теперь стали чаще, даже в дневное время.

Через полгода после начала службы Володя обратился к командованию с просьбой разрешить учёбу на заочном отделении Новокузнецкого политехнического института. После повторной трёхмесячной проверки разрешили при условии, что на сессию он выезжать не будет. Однако учёба давала хоть какое-то разнообразие в этой атмосфере страха и подозрительности.

Так прошло шесть лет. Строительство объекта заканчивалось, и офицеры не знали, что будет с ними дальше: переведут ли их на другой объект, или демобилизуют, или их ждёт судьба расстрелянного профессора. Но всё это не обсуждалось, даже посещение соседних барачков запрещалось, везде были подслушивающие устройства.

Неожиданно в конце августа Володю демобилизовали, напомнили о подписке о неразглашении, и он с радостью уехал в Новокузнецк.

В свои двадцать девять лет он стал ценным специалистом: фронт, работа на важном государственном объекте. Его охотно взяли на Новокузнецкий шарикоподшипниковый завод, где он пройдет за пять лет путь от простого инженера до руководителя этого крупнейшего в Сибири профильного предприятия.

Молодой статный красавец, директор завода, он неизменно вызывал интерес у окружающих женщин. Сколько молодых девушек и вдов пытались привлечь его внимание! Но, дорвавшись до интересной творческой работы, не отягощённой ненавистным ежедневным надзором, он не замечал женщин и в тридцать лет уже считал себя старым холостяком.

Через три года в командировке в Ленинграде он познакомился с Милой – коренной ленинградкой, перенёсшей блокаду в осаждённом городе. Это была тоненькая, маленькая брюнетка, умница и красавица, Дюймовочка – так он её называл. Из командировки он вернулся с женой.

Началась спокойная, мирная жизнь. Завод постоянно расширялся, стал одним из крупнейших отраслевых предприятий в Европе, строил много жилья для рабочих; заработная плата на заводе была высокой, жизнь постепенно налаживалась. Одно было плохо: их браку с Милой

было уже около десяти лет, а семья по-прежнему была бездетной. Володя приближался к сорокалетию, ему всё труднее было отшучиваться от знакомых – где это заблудился их сын!

Но многократные обследования Милы и здесь, и в столице принесли однозначный вердикт: ленинградская блокада не прошла бесследно для Дюймовочки, иметь детей она не может.

Тогда они решили взять малыша из роддома и вырастить его как родного, не говорить ему правды о его происхождении. В то время было много молодых женщин, которые оставляли новорождённых в роддоме, не имея возможности завести собственную семью.

Вскоре Володе позвонили: в роддоме появился подходящий мальчик, и Володя с Милой поехали на служебной «Волге» в роддом. Когда внесли малыша в машину, водитель поздравил: «С новорождённым, Владимир Иванович! Теперь вас в семье двое – мужиков!»

Володя был известным в городе лицом, и, чтобы защитить малыша в будущем от доброхотов, пожелавших просветить его об истории появления сына в директорской семье, Володя и Мила решили уехать в Донбасс, где жили родные Владимира.

Здесь его, уже опытного руководителя, сразу взяли на должность начальника крупного строительного треста, а через год перевели на работу в облисполком, где он стал одним из руководителей самой крупной и богатой на Украине угледобывающей области. Он пробудет в этой должности до семидесяти лет и немало сделает для процветания Донбасса.

А пока они, сразу по приезде получив отличную четырёхкомнатную квартиру в центре города, поручив малыша семидесятилетней Анне Афанасьевне, много и упорно работают: Володя – в своём тресте, Милочка – в школе.

Но ещё в Новокузнецке Мила всё чаще стала прибалывать, всё реже он видел её улыбку; через три года она получила инвалидность и ушла на пенсию – сказывались последствия ленинградской блокады. Приходя с работы, Володя видел её чаще всего в постели, безучастную и равнодушную, и уже несколько лет супруги пользовались разными спальнями, благо квартира была большой. Володя часто задерживался вечерами на работе – не хотелось возвращаться домой, где было теперь холодно и тоскливо; Мила не возражала против такого режима.

Однажды в исполкомовской столовой за его столом оказалась молодая женщина. Тридцатилетняя Анна, высокая красавица с длинной русой косой, на его вопрос равнодушно кивнула: «Садитесь!» Она быстро ушла, а Володя сидел будто оглушённый. Кто она? Зачем её разыскивать? Что он скажет ей? Он ведь любит, жалеет Милу, у них десятилетний сын, да и сам он солидный и на виду человек! Нельзя, надо забыть, оставить эти грешные мысли. Не получилось! Как мальчишка; и, казалось, впервые в жизни он не мог оставить мыслей о незнакомой женщине ни днём, ни ночью.

Через полгода поиски закончились. Он узнал, что Анна – новый главный врач одной из городских больниц, живёт с матерью и сыном напротив горисполкома.

Анна удивилась, услышав по телефону, что звонит какой-то исполкомовский начальник и просит о приёме. О причине расскажет при встрече.

К концу дня Володя с букетом роз вошёл в её кабинет и долго рассказывал о своей работе на заводе, о зарубежных командировках, об эпизоде с фрау Мартой. Время шло. Ане нужно было срочно возвращаться домой – мама приболела, и сын ждёт делать уроки вместе. А Владимир всё оттягивал прощание. Наконец собрался и, прощаясь, попросил разрешения звонить: он может быть полезен и её учреждению, и ей лично. Зачем приходил – Анна так и не поняла: взрослый (49 лет), солидный человек – что хотел?

Прошёл ещё год. Она привыкнет к его ежедневным звонкам, к его бархатному голосу; в углу кабинета появится подаренный им на Новый год электрический самовар. Она вдруг обнаружит, что ждёт этих звонков и хочет видеть его. Однажды, когда сын отправился в пионерский лагерь, а мама уехала к родственникам, Анна пригласила его к себе. Она обнаружит, каким нежным и ласковым может быть этот с виду взрослый и серьёзный великан. Он расска-

жет о своей семье, будет говорить о любви. Но, услышав историю Милы и их приёмного сына, Анна раз и навсегда запретит ему обсуждать тему развода и их общей семьи.

Конечно, для Милы недолго будет секретом, где задерживается и где проводит выходные Владимир. Однажды состоялся серьёзный и важный для обоих разговор.

Он рассказал Миле, что скоро два года, как он любит эту женщину, все его попытки разорвать эту связь заканчиваются быстро и тяжело – он не может работать, всё валится из рук; в последнее время стали появляться сильные боли в сердце, однажды в кабинете потерял сознание. Обследование в спецполиклинике показало, что у него ишемическая болезнь сердца, высокое артериальное давление, он должен быть осторожен, беречь себя.

Расстаться с Анной выше его сил, но и Милу с сыном он оставить не хочет. Решили так: он останется с ними. Но все субботы, воскресенья и свои отпуска он проводит с Анной.

Так прошло ещё десять лет. Подросток приёмный сын. Миша был непростым ребёнком и вырос сложным человеком. В детстве был неуёмным шалуном, учился неохотно, с трудом окончил школу. Бросил один за другим два вуза, женился, через год развёлся, оставив жену с годовалой дочкой. Пошёл работать на мебельную фабрику – руки были как у отца: всё умел делать. Нередко с работы возвращался с запахом перегара, часто менял подружек. Но жили вместе, в семье сохранялся видимый мир.

Однажды случилась беда. Володя вдруг получил письмо из Новокузнецка от своего бывшего шофёра. Тот написал, что жизнь его как-то разладилась. Только что его прогнала вторая жена – ну не везёт ему с бабами! Теперь ему ни жить негде, ни работать – она что-то там написала в партком. Один у него выход – куда-то уехать. Он знает, что Владимир в Донецке важный начальник, ему, конечно, ничего не стоит помочь бывшему другу с работой и с квартирой – не в общежитии же будет жить бывший фронтовик! Если же Владимир не ответит ему или откажет, пусть знает: он найдёт возможность обо всём сообщить его приёмному сыну!

Не ответил Володя шантажисту, но целую неделю всё раздумывал, как поговорить с Михаилом, рассказать сыну правду, чтобы не осложнять и состояния Милы, которую он недавно забрал из больницы после очередного курса лечения. Вечером в понедельник Михаил явился поздно, в хорошем подпитии и, потрясая почтовым конвертом, заявил, что он всё знает. Они ему чужие люди, и жить с ними он не желает, но поскольку он прописан здесь, требует срочно разменять жильё и выделить ему квартиру, он имеет на это право.

Назавтра Мила слегла. Повторное обследование в больнице выявило онкологию, и уже довольно запущенную. Операция не принесла успеха – процесс уже распространился. Теперь возможна только химиотерапия, а там – как бог даст!

Будущее покажет, что Мила проживет ещё около двадцати лет и все эти годы будет тяжёлой постельной больной; Володя приложит все силы и возможности к её лечению, но в шестьдесят восемь лет Милы не станет, а Михаил, давно разорвавший отношения с семьёй, даже не придет на её похороны.

И все эти годы Володя будет рваться между двумя женщинами, не силах оставить ни одну из них, а Анна так и будет ежедневно ждать его звонков, а в субботу – его таких желанных визитов, она по-прежнему не будет мыслить существования без него.

Наконец она устала от постоянного ожидания, от своего положения жены на выходные, от укоризненных взглядов соседей и однажды решила разом всё это прекратить. Сын окончил школу и поступил в московский институт, и Аня решила переехать с ним вместе в Москву; ей удалось поменять донецкую квартиру на Подмосковье, и к началу учебного года они с сыном покинули Донецк.

До самого их отъезда Володя всё не верил, что она уедет, не мог представить, как он будет без неё! Через несколько дней после их отъезда на него напала тяжёлая депрессия – снова одолевали боли в сердце; ни лекарства, ни напряжённая работа, ни попытки друзей помочь ему не давали ничего. Он не спал, ходил по квартире ночами, ежедневно звонил Ане.

Видя его мучения, Мила наконец скажет: «Поезжай, навести её – может, полегчает. Я подожду, не умру без тебя».

Как на крыльях Владимир прилетел в Москву. В эту неделю, что они провели снова вместе, будто вернулась молодость. Ушли все болячки, жизнь опять стала многоцветной.

С той поры ещё почти пятнадцать лет каждые три месяца Володя 7—10 дней проводил в Москве, а потом возвращался в Донецк. Они никогда не обсуждали с Милой его московских поездок, но она уже спокойно переносила эти его вояжи.

Однажды жене внезапно стало плохо, потеряла сознание. Врачи скорой помощи были встревожены её состоянием, он поехал с Милой вместе в больницу. В приёмном покое, придя в себя, Мила сказала ему: «Спасибо тебе за всё. Хочу, чтобы всё у тебя сложилось хорошо». Закрыла глаза. Через два часа её не стало.

Отметив сороковины, Володя приехал в Москву. Казалось бы, теперь нет преград для их с Анной совместной жизни. Но – поздно, поздно! Как ни странно, счастливым Володя себя не чувствовал; отчего-то ночами перебирал в памяти эпизоды своей молодости, будто живую видел молодую Дюймовочку Милу, слышал её смех, просыпался от её голоса. Целыми днями, пока Анна была на работе, тщетно искал себе занятие, переделал все дела в квартире, страдал от одиночества – знакомые и друзья были далеко. И Аня, приходя с работы поздно вечером, уже тяготилась его угрюмым молчанием, неопределёнными жалобами на самочувствие (никогда раньше этого не было!), непреходящей тоской во взгляде.

Когда, задержавшись на службе, Анна однажды вернулась домой на час позже против обыкновения, она была поражена, почему всегда ровный и спокойный Володя стал вдруг кричать на неё, требовать, чтобы она не смела больше задерживаться, говорить, что ему здесь всё надоело. Дождавшись утра, Аня спокойно предложила ему съездить в Донецк, повидаться с внучкой и друзьями. Собрала, как обычно, подарки для внучки, проводила на вокзал.

Наутро, вопреки обыкновению, Владимир не позвонил. Напрасно Аня многократно набирала его телефон – он упорно молчал, а через неделю ответил незнакомый мужской голос. Абонент сообщил, что ни на какие вопросы он ответить не может: он снимает эту квартиру, а хозяин умер.

Анна слегла. Только через полгода она смогла наконец поехать в Донецк, отыскала по телефону внучку Володи. Та сообщила, что он умер внезапно, едва вернувшись из Москвы. Одновременно Анастасия заявила, что является единственной по завещанию наследницей Владимира и пусть Анна ни на что не рассчитывает; даже отказалась сообщить, где похоронен Володя. Так Анне и не довелось отыскать могилу Володи.

Так закончилась эта история длиною в полжизни.

Ефим и Манюня

*Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

К. М. Симонов

Оба Ивана, дружившие с детства москвичи, работали в то время в конструкторском бюро известного в 30-х годах авиаконструктора Виктора Третьякова. Когда шефа как врага народа арестовали, а на следующий день взяли двух его ближайших помощников, ребята решили бежать из Москвы и спрятаться где-то в глубинке, куда не дотянутся руки НКВД. Они-то понимали, что ни шеф, ни ведущие конструкторы, ни тем более они, скромные чертёжники, не были и не могли быть врагами своей страны.

Но жернова, неумолимо перемалывающие неугодных властям людей, слишком близко подошли к ним. Простые двадцатилетние парни, они и не догадывались, что уйти от этих жерновов удавалось немногим.

Сборы были недолгими: взяв паспорта и небольшую дорожную сумку, отправились на вокзал. Шёл 1933 год, и в поезд ещё можно было войти без документов. Купили билеты на ближайший состав, отправляющийся в Башкирию.

Туймазы – большой районный центр, где находился элеватор, и в это время – ранней осенью – там была горячая пора: колхозники окрестных сёл сдавали урожай. Рук не хватало, и поэтому без особых вопросов ребят приняли разнорабочими на элеватор. Они поселились у одинокой старушки, помогали ей чем могли, жили скромно; начали потихоньку обживаться. Подружились с соседом, Ефимом Васильевичем, начальником элеватора, который вечерами заходил к Иванам, играли в домино.

Прошло три месяца. Однажды Ефим, копаясь в огороде, увидел, как мимо двора проехала незнакомая машина. Она остановилась у соседнего дома, вышли трое неместных милиционеров и вошли в дом, где жили Иваны.

Через полчаса Иванов, закованных в наручники, вывели, и, проходя мимо Ефима, один из ребят тихо произнёс: «Прощай, Ефим Васильевич».

Наутро те же милиционеры приехали за Ефимом. Ничего не объясняя, перерыли весь дом. В подполье рассыпали морковь и картошку, раскатали поленницу дров, вылили молоко из всех крынок. Ничего не нашли. Ефима увезли.

Мария Захаровна – Манюня, как называл её муж – осталась одна с тремя ребятами, старшей из которых было пять лет. Уходя, Ефим строго приказал: «Держись! Я вернусь!»

Заливаясь слезами, Манюня не могла придумать, куда идти и что делать. Наутро кто-то стукнул в окно. На крыльце стояла молодая цыганка в роскошной юбке, с длинными серьгами в ушах. Ничего не спрашивая и не проходя в дом, она сказала: «Не плачь, твой муж в казённом доме. Он не виноват в том, что ему шьют. Его оговорил завистник, что служит рядом с ним. Доказательства его невиновности – в бумагах, которые ты должна найти и привезти. Сможешь найти документы – мужа выпустят, нет – сгниёт он в тюрьме». А необходимые справки можно было получить только в Карповке – месте рождения Ефима, деревне в 60 километрах от Туймазы.

Наступила осень, начались дожди. Никакого транспорта в эту заброшенную Карповку не найти. Но идти надо. Оставив соседней бабушке детей, Манюня обула лапти – идти в них легче – и отправилась в путь. Добиралась более трёх суток, замёрзла, изголодалась, едва не утонула в разлившейся по осени речке, но всё же документы, подтверждающие, что Ефим – сын

батрака, был из первых комсомольцев на селе, рано вступил в партию и ни в каких порочащих его делах не замешан, добыла. Через несколько дней Манюня отправилась в обратный путь. Дождь шёл не переставая, будто испытывал на прочность несчастную женщину. Документы отнесла куда сказали. Ни свидания, ни передачи не разрешили, но сказали, что Ефим жив.

Дома, слава богу, все были живы, только приболела младшая дочка. Позже она умрёт от менингита: сильно простудилась в отсутствие матери.

Никаких известий о Ефиме, ни весточки от него долго не было. Манюня держалась – верила, что Ефим вернётся.

Позже, уже возвратившись из тюрьмы, Ефим расскажет, что у него добивались в тюрьме, в какую шпионскую организацию втянули его два Ивана, враги советской власти и подельники врага народа из Москвы. В тюрьме били. Заставляли подписать ложные показания на Иванов. Не подписал. Ничего худого о ребятах не сказал и не написал.

Причудливы судьбы человеческие.

Глядя на сокамерников, Ефим прощался со своей жизнью. Но внезапно через три месяца без каких-либо объяснений Ефима, взяв подписку о неразглашении, выпустили из тюрьмы; он так и не узнал, кто был автором ложного доноса. Узнавать о судьбе Иванов – врагов народа было опасно, но он всё же пытался это сделать. Не смог, ребята так и сгинули в тюрьме или лагерях.

Ефима восстановили в партии и на работе, но он знал, что где-то рядом ходит анонимщик, не захотел вернуться на прежнее место работы, и семья уехала из Туймазы. Возможно, так и была спасена и его жизнь, и жизнь его детей – сплошь и рядом повторно забирали в тюрьмы людей, обвиняя во вредительстве и шпионаже.

Ефим позже выучится, получит офицерское звание, и в 1942 году его заберут в действующую армию. Он пройдет всю войну, дойдет до Румынии, где прослужит еще два послевоенных года. Вернется домой с наградами в 1947 году и до конца жизни будет особенно привязан к детям.

В своем дворе вместо грядок построит детский игровой городок, его золотые руки так распишут, разукрасят все эти игры и игрушки, что детвора собиралась со всей округи. Весь день стоял гомон в их дворе, да ещё под граммофон, который Ефим выносил для них из дома.

Всеобщий любимец, он был немногословен, на редкость порядочен и честен; детям внушал, что лучше отдать своё, чем взять чужое; никогда не говорил плохого о других.

Умер он рано, в пятьдесят шесть лет, от острого инфаркта миокарда – видимо, не прошли даром ни тюрьма, ни война.

Манюня пережила мужа почти на сорок лет. До конца её жизни в семье будут ежегодно отмечать два дня рождения Ефима: один – когда родился, другой – когда вышел из тюрьмы.

Круг замкнулся

*Я вам жизнь завещаю, —
Что я больше могу?*

А. Т. Твардовский

У Наташи не было сомнений, куда поступать после школы. Ещё с шестого класса, когда старшая сестра стала студенткой мединститута, Наташа часто тайком рассматривала её учебники. Ей было очень интересно и то, как устроен человек, и как работают отдельные органы, и отчего возникают болезни.

Как медалистку, Наташу приняли в институт без экзаменов, и, получив поздравления доцента М. С. Юркова, Наташа с начала августа на месяц уехала работать в пионерский лагерь, где её мама всегда летом была старшим воспитателем. Оформляя свои документы в деканате, Наташа познакомилась с Лидочкой, такой же, как она, медалисткой; оказалось, что живут они в одном посёлке в Тракторозаводском районе Сталинграда и ездить в институт теперь им предстоит вместе.

Так началась эта дружба красавицы Наташи и маленькой, худой, с невзрачным личиком и редкими прямыми короткими волосами отличницы Лидочки. Незаметная Лидочка была умна, неизменно деликатна, могла спокойно и без крика погасить любой конфликт в группе. Долгие годы потом Лидочка и Наташа были неразлучными, во всём доверяли друг другу и поклялись, что круг их дружбы не разомкнётся никогда.

В их студенческой группе всеобщее внимание привлекал Алёша Миронов – высокий блондин, общительный, знающий множество анекдотов и смешных историй. Он немного заикался, но это не мешало ему петь и быть везде душой компании. Стройный, сероглазый, с широкими темными бровями, Алёша, по мнению большинства девочек, был самым красивым парнем на курсе. Но он особо не реагировал на призывные девичьи взгляды, а с первых дней учёбы подружился с Лидочкой и Наташей, которым часто помогал. После школы он уже успел год проработать в колхозе механизатором, всё умел делать и часто выручал подружек: то прибьёт оторвавшийся каблук, то исправит заедающий замок чемоданчика, с которым ходила Наташа, то займёт им место в студенческой столовой в перерыве между лекциями. Подружки тоже помогали ему. Весельчак и певун, мечтающий о карьере сельского хирурга, Алёшка поначалу не любил учиться. Он скучал на нудных занятиях по латинскому языку, тяготился бесконечными лекциями по марксизму-ленинизму и всё мечтал: когда же будет, наконец, настоящая медицина? Он не переживал из-за задолженностей и не сданных вовремя зачётов, сессии сдавал на тройки, но весело. Никогда Алёшка не получал стипендии: в те годы её давали лишь тем, кто учился без троек.

Мать, живущая в дальнем колхозе в Астраханской области, не могла помогать сыну, и, чтобы как-то существовать, Алёша, собрав ещё двух-трех однокурсников, часто отправлялся ночами на разгрузку вагонов на вокзал, а потом полдня отсыпался, пропуская очередные занятия. Он по-настоящему дружил с Наташей и Лидочкой, не выделял ни одну из них, неизменно пользовался их конспектами и записями. Когда накануне зимней сессии на втором курсе Наташу, старосту группы, вызвали в деканат и сообщили об угрозе отчисления Миронова из института по причине академических задолженностей, подружки организовали от всей группы коллективное письмо, где брали Алёшу на поруки и обещали помочь ему ликвидировать задолженности до начала сессии.

Они серьёзно поговорили с Алёшкой и поставили условие, что, если в оставшиеся две недели он не будет заниматься днём и ночью, его вышибут из института, их дружбе конец и он никогда не станет хирургом. Все эти недели подружки просиживали с ним вместе в биб-

лиотеке, писали за него конспекты и зачётные работы, вместе ходили на кафедры, где нужно было ликвидировать хвосты, и отпускали его в общежитие только на пять-шесть часов, чтобы выспался. Он сердился, обижался, но к началу зимней сессии все хвосты подтянул и сессию сдал без задолженностей. С тех пор он стал звать их своими спасительницами.

Шли годы. Учёба всем троицам давалась нелегко. Растянутый на полтора километра вдоль Волги Сталинград делал их ежедневные поездки в институт настоящим испытанием. Лида и Наташа жили на окраине, в районе Сталинградского тракторного завода, а здание института было в центре, в 28 километрах от их жилья. О метро, скоростных трамваях и экспресс-автобусах тогда и не мечтали. Ежедневно, вставая около пяти часов, они на утреннем автобусе, потом трамвае и электричке, как правило переполненных и с гуляющим расписанием, добирались до института около трёх часов в один конец и возвращались не ранее 9—10 часов вечера.

Особенно тяжело приходилось Лидочке. Она жила вместе с матерью-инвалидом. Арина Михайловна, прежде работавшая в горячем цехе на тракторном заводе, повредила ноги и теперь передвигалась с трудом, получала 40 рублей пенсии, вместе с 19-рублёвой стипендией Лидочки они едва сводили концы с концами, где уж там развлечения или наряды!

Но жизнь на грани нищеты не угнетала: так в те времена жили многие, и не было в институте провинциального Сталинграда разделения на бедных и элиту, как в столичных вузах. С первого курса Лидочка, оставаясь постоянно круглой отличницей и не выпуская из рук учебников ни в транспорте, ни в столовой, подрабатывала в больницах: сначала санитаркой в анатомичке, потом медсестрой там, где им довелось учиться.

Это были 60-е годы, когда летних студенческих каникул в сталинградских вузах не было. В июне, на следующий день после последнего экзамена, их сажали в грузовики и вывозили в колхозы области на уборку хлеба. Здесь ребята работали помощниками комбайнёров, прицепщиками, шофёрами, а девочки трудились на току: сгребали в бурты привезённое с полей зерно, убирали ток, собирали и перетаскивали тяжеленные мешки с зерном.

Так продолжалось до конца августа, потом их привозили в город. А второго или третьего сентября, когда студенты собирались в институты, их снова вывозили на полтора-два месяца, до наступления холодов, в колхозы на уборку овощей: картофеля, капусты, лука, арбузов. Работа была абсолютно бесплатной. Лишь однажды в каком-то колхозе им выдали по три рубля на человека и разрешили забрать с собой столько арбузов, сколько они могли донести руками. Отказаться от поездок в колхоз не было никакой возможности: не только лишат стипендии, но и попросту отчислят из института. Так было с Ленкой Тороповой, дочерью какого-то начальника. Она была отличницей и однажды, надеясь на помощь отца, не поехала осенью в колхоз. Мигом было проведено комсомольское собрание с единогласным осуждением позорного для советской студентки поступка и выговором по комсомольской линии. Когда после осенних полевых работ они вернулись на занятия, Ленки в институте уже не было, больше в этом институте она не появлялась.

Перед четвёртым курсом всем мальчикам, которые прошли углублённое медобследование, предложили выбор: оставаться в Сталинградском мединституте или перевестись на открывающийся в Саратове военный факультет с последующей службой в армии в течение двадцати пяти лет. В Саратове срок обучения увеличивался на полгода, но зато была почти в два раза выше стипендия, которую платили всем, и полное государственное содержание: форма, проживание, питание.

Алексей Миронов согласился сразу: он был уверен, что это гарантия получения желаемого врачебного диплома, да и голодать там больше не придётся.

В сентябре подружки остались без своего друга и защитника. Телефоны в то время были редкостью, а писать Алёшка никогда не любил. Иногда Лидочка писала ему и порой получала ответные письма.

Теперь им предстояло ездить в колхозы без защитника Алёши. В колхоз они обычно выезжали группой в 20—25 человек. Их размещали в каком-нибудь старом нежилом доме, где нужно было сразу же ремонтировать двери или окна, полы; набить мешки сеном, чтобы они служили матрасами; сделать очаг для приготовления еды – яму, на дно которой укладываются дрова, а сверху подвешиваются котёл для варки и чайник. А кроме того, нужно было эти самые дрова раздобыть. В ровной, как стол, сталинградской степи росла только верблюжья колючка да бесконечные ветры гоняли по потрескавшейся земле клубки перекати-поля. Местные жители для топки готовили кизяки из верблюжьего и овечьего помёта, а в весеннее половодье собирали по берегам образующихся ильменей сучья, кусты, остатки приносимых Волгой деревьев. Дрова, настоящие дрова, были редкостью, и достать их было нелегко, а без них как приготовить еду в этом самодельном очаге?

Всем их бытом обычно занимался Алёша Миронов. Сельский житель, он легко умел договариваться с местными и с колхозным начальством, при необходимости быстро и ловко ремонтировал окна, двери и крыльцо в доме, где их селили, и всегда помогал студенткам, которых выбирали поварами. Наташе и Лидочке часто доставалась эта участь, но обе девочки любили и умели готовить и испытывали особую гордость, когда орава молодых голодных ртов уходила с обеда сытой и довольной.

Алёше всегда удавалось вполне сносно организовывать быт группы в колхозе, он специально возил с собою инструменты – топор, пилу. А ещё он защищал девочек от назойливого внимания местных парней: вид рослого, загорелого, обнажённого до пояса Алёши был весьма внушительным.

Однажды их привезли в Кукушкино, где разместилась третья бригада колхоза имени Калинина. Бригадир Николай Меняйло – здоровенный, толстый и наглый мужик – был тут царь и бог. От него зависели и условия жизни колхозников, и их заработок, никто не смел ему перечить. Он был очень удивлён, когда Наташа с негодованием оттолкнула его и убежала в дом, едва он попробовал ухватить её за талию.

Меняйло в тот день привёз студентов к дому, где им предстояло жить, оставил им ведро с пшеном и несколько караваев хлеба и, обещая вечером завезти остальные продукты и дрова, исчез. Ни в этот день, ни через сутки, ни через двое он не появлялся. Алёша ходил к нему в дом, где ему сказали, что бригадира вызвали в правление и когда он вернётся – никто не знает.

Соседская бабушка, отозвав Алёшу в сторонку, сказала, что Меняйло никуда не уезжал, днём он сидит дома, а вечерами ремонтирует свой старый «козлик», полученный в колхозе.

На третью ночь, когда хорошо стемнело, а поварахи – Наташа и Лидочка – пригорюнившись, сидели на крыльце и не знали, чем и как кормить завтра ребят, которые уже третий день перебиваются на этих сухих каравах местного хлеба, Алёша и с ним двое крепких ребят вышли на крыльцо. В руках у них были лопаты, топор и пила. Алёша велел подружкам не горевать: они скоро принесут дрова – и завтра можно будет сварить кашу.

Ребята вернулись часа через два. Они несли охапки досок, явно от какого-то строения, ещё два раза уходили и возвращались с такими же охапками. Возле дома они быстро порубили доски на куски для очага и уложили на веранде их жилища, при этом хитро пересмеиваясь. Девочки поняли, что ребята сотворили что-то, из-за чего может разразиться война с местными. Но Алёша успокоил подружек. Им нечего бояться, а на крайний случай у него имеется запас «стратегического оружия».

Утром, около шести, когда каша в котле уже аппетитно побулькивала и на огне закипал большой закопчённый чайник, к поварихам с руганью и матом прибежал Меняйло. Красный от ярости, он размахивал кулаками, тряс своим громадным животом и угрожал сейчас избить, а потом пересажать всех проклятых студентов, от которых только и пользы, что драки с местными хлопцами да кормёжка этих дармоедов за счёт колхоза. Из его криков девочки поняли, что, когда утром Меняйло вышел во двор «до ветру», на месте, где ещё вчера стояла новень-

кая, только весной выстроенная им из нового теса уборная, было ровное место, гладкое, присыпанное песком из кучи, лежавшей тут же во дворе. Ему не понадобилось много времени, чтобы понять, чьих рук это дело; он сейчас же поедет в правление и всем им покажет! Вот же, на веранде лежат доски от его уборной!

На крики Меняйло на крыльцо вышел спокойный, раздетый до пояса Алёша. Он не отрицал, что это они разобрали и унесли его «скворечник» и навели порядок во дворе. Он предложил Меняйло угомониться, а если тот не будет вовремя обеспечивать студентов провиантом и дровами, они устроят и ему, и жителям Кукушкино «весёлую» жизнь. Он вынес и показал бригадиру «стратегическое оружие» – килограммовую пачку дрожжей. Если их бросить в выгребную яму в его дворе, в ней начнётся теперь, под июньским солнцем, такое брожение, что масса, увеличиваясь во много раз, зальёт и двор бригадира, и соседние дворы и потечёт вниз по улице, распространяя вокруг такой аромат, что вряд ли кто способен будет его долго выдержать. И так пока вся масса не перебродит и не вытечет, а это может продолжаться бесконечно, особенно если туда периодически добавлять воды. Пусть бригадир подумает, как отнесутся ко всему этому колхозники в Кукушкино, когда и как ему удастся прекратить это бедствие. Если Меняйло настаивает, этот «праздник» можно начать прямо сейчас. Меняйло с ругательствами побежал к своему дому, а к вечеру им привезли дрова, кизяки, крупу, мясо и овощи.

Больше с Меняйло они не встречались. Задания на работу им теперь давал помощник бригадира, а пачку дрожжей после окончания полевых работ Алёша потихоньку отнёс той бабушке – соседке бригадира, которая его выдала.

На следующий год осенью, во второй заезд, случилось другое происшествие. Они вновь убрали зерно, и Наташа с Лидочкой, а с ними ещё три однокурсницы работали на току. Нужно было срочно переложить зерно в мешки из буртов и накрыть его: к вечеру собирался давно обещанный дождь. Ток находился километрах в семи от Новосёловки – места, из которого их утром привозили, а вечером отвозили обратно. Но сегодня что-то не сложилось. Уже потемнело, поднялся ветер, накрапывал дождь, спрятаться на току было негде, а машина за ними всё не приезжала.

Затемно Алёша, вернувшись с поля, где работал на комбайне, обнаружил отсутствие «своих спасительниц». Где они, почему не приехали, никто не знал. Бригадир уже уехал, спросить больше было не у кого. В Новосёловке, где это происходило, размещалась группа связистов воинской части, расположенной неподалёку. Алёша побежал к связистам и уговорил лейтенанта послать за девочками, оставленными на поле, их машину.

Была уже глубокая ночь. Хмурые тучи закрыли луну и звёзды, накрапывал дождь, и девочки в полной темноте, замёрзшие и испуганные, решили двигаться в ту сторону, откуда их обычно привозили. Дороги они не знали, да и какие дороги в степи! Они, спотыкаясь, брели уже около часа, время от времени включая фонарик, случайно оказавшийся у одной из студенток. Вдруг в стороне мелькнули фары легкой машины. Девочки с криком бросились к ней, и через несколько минут Алёша распахнул перед ними дверцы джипа: «Садитесь!» Через двадцать минут все были в тепле, в доме, и теперь уже они стали звать Алёшку своим спасителем.

А на шестом, последнем курсе колхозные страдания закончились. Им впервые в июле дали месячный отпуск, Наташа тут же опять уехала в пионерский лагерь к маме, уже в качестве помощника врача.

С осени Наташа и Лидочка должны были пойти в субординатуру по терапии. База находилась в 28-й горбольнице, гораздо ближе к их дому, чем здание института; наконец им предстоит почти самостоятельная врачебная работа, то, к чему они так стремились все эти годы.

Наташа вернулась из пионерлагеря и 1 сентября, как было условлено, вышла на работу. Но ни в этот, ни в следующий день Лидочка не появилась. Обеспокоенная Наташа вечером

бросилась к ней домой и обнаружила необычайно похорошевшую Лидочку в сборах и хлопотах.

Оказалось, что Лидочка не останется, как планировала раньше, в аспирантуре на кафедре пропедевтики. Она вышла замуж и теперь уезжает в Саратов, по месту учёбы её мужа, она уже написала заявление о переводе в Саратовский мединститут. Во время летнего отпуска Лидочка по приглашению Алексея ездила к нему в Саратов, там они и заключили брак. Так маленькая «серая мышка» Лидочка и заполучила в мужа лучшего парня на курсе – красавца Алёшу Миронова – и теперь уезжала к нему.

Радуюсь счастью подружки, Наташа отчего-то вспомнила их пятилетней давности клятву о неразрывности круга их дружбы. Но такова уж их девичья судьба!

Поначалу они часто писали друг другу. Наташа беспокоилась о подружке, когда та сообщила о своей беременности и о скором их с мужем отъезде куда-то на границу с Казахстаном. В свой срок родился их первенец, названный в честь отца Алёшей. Потом переписка стала реже, а через пару лет и совсем, как это часто бывает, заглохла.

Вскоре Наташа, выйдя замуж, уехала на Украину. Она успешно защитилась, окончив аспирантуру в профильном НИИ, и однажды приехала на десятилетие их выпуска в Волгоград. Однокурсники рассказали, что Мироновы уже несколько лет живут в Германии, служат в советском госпитале. У них девятилетний сын. Но сейчас Лидочка тяжело болеет и поэтому вместе с сыном вернулась лечиться домой.

На следующий день Наташа, не ожидая беды, с цветами и подарками звонила в знакомую жёлтую дверь в квартиру, где в студенческие годы они провели с Лидочкой не одну бессонную ночь перед экзаменами. На звонок вышел невысокий худенький подросток со светлыми, торчащими в разные стороны волосами, блестящими серыми, как у отца, глазами и темными широкими бровями. Он молча посторонился и жестом пригласил её войти.

Это была всё та же, давно знакомая маленькая квартира на втором этаже старого двухэтажного дома; вот и кружевная занавеска всё так же колышется на балконной двери, и чадящий огонёк лампадки, как и раньше, мерцает в углу перед иконой Иверской Богоматери, и большой портрет Лидочкиного отца в гимнастёрке и с медалью на груди, погибшего ещё в начале 1943 года, – всё здесь было так знакомо, как десять лет назад.

На кровати с высоким изголовьем лежала незнакомая измождённая старушка в белом платочке на безволосой голове, которая трясущимися руками перебирала складки тёплого халата. В этой старенькой бледной женщине невозможно было узнать тридцатичетырёхлетнюю любимую Лидочку, её давнюю подружку.

Как-то отстранённо она рассказывала об их жизни в Германии, где они с мужем служат в советском госпитале: она – в лаборатории, Алексей, уже получивший звание подполковника, – начальник хирургического отделения. Лида равнодушно рассказывала о своей болезни, обнаруженной слишком поздно, о том, что оперировать её уже нельзя – опухоль проросла в корни обоих лёгких и средостение; о том, что после второго курса химиотерапии она решила вернуться домой, прихватив с собою сына. Она постоянно кашляла, куталась в халат, но ни жалоб, ни слез не было. Лидочка сказала, что готова к неизбежному, вот только жаль, что не успела вырастить сына.

На днях в отпуск приедет Алексей, тогда они решат, останется ли их мальчик с бабушкой здесь, в Волгограде, и будет поступать в Сталинградский мединститут, или отец вновь заберёт его в Германию. Они оба хотят, чтобы сын продолжил врачебную династию, начатую матерью и отцом.

Алёша молча сидел за столом и будто не слушал слов матери.

Изо всех сил Наташа пыталась не разрыдаться, старалась не смотреть на высохшие дрожящие руки Лидочки, повторяя про себя слова молитвы, которой их обеих когда-то учила

Арина Михайловна: «Ангел Божий с добрым взглядом! Бог тебе меня вручил! Будь теперь со мною рядом, помоги и научи!»

Они до позднего вечера вспоминали студенческие годы и клятву о неразрывном круге их дружбы, и только спустившись к двери подъезда, Наташа дала волю слезам, постоянно повторяя про себя: «...помоги и научи!»

Назавтра она съездила на Спартановку – посёлок, где была старая церковь, просила Всемогущего помочь умирающей подруге уйти тихо и без мучений.

Через два дня она вернулась на Украину, а вскоре пришло письмо от Арины Михайловны, извещавшее о смерти Лидочки. Вот и распался навсегда круг их студенческой дружбы; постепенно уйдёт и память тех лет.

Пройдет ещё около пятнадцати лет. Похоронив на Украине мужа, Наталья Фёдоровна вернется в Волгоград, пойдет работать на одну из теоретических кафедр родного института и скоро получит звание доцента.

Одна из бывших однокурсниц расскажет Наталье, что подполковник Алексей Миронов в возрасте тридцати девяти лет погиб при исполнении воинского долга во время широкомащтабных военных учений. Сын Мироновых уже закончил институт и, по семейной традиции, пошёл в армию. Теперь, по слухам, он служит в группе советских войск в Афганистане.

В тот июльский день 1987 года Наталья отправилась к проректору с заявлением об отпуске. Даже для волгоградского лета температура воздуха была выдающейся: столбик ртути вот уже более недели поднимался выше 40 градусов, и Наташа чувствовала себя неважно. Пора отдохнуть, она собирается в Кисловодск.

Но знакомый ещё по годам её учёбы проректор профессор М. С. Юрков сказал, что её заявление он сможет подписать только после 10 августа, когда закончатся вступительные экзамены у аспирантов. Она, доцент Н. Ф. Горина, назначена нынче председателем экзаменационной комиссии у аспирантов, да к тому же на их кафедре на одно аспирантское место есть два претендента. Профессор просил её обратить внимание на одного из них. Это капитан медицинской службы, их бывший выпускник, он служил хирургом в Афганистане, был ранен, а теперь, будучи комиссованным по здоровью, хочет заняться токсикологией на их кафедре.

Ну что ж, раз надо, Наталья задержится с отпуском. Да и самой интересно взглянуть на их нового сотрудника: на кафедре уже несколько лет не было аспирантов, а заниматься новым аспирантом в основном придётся ей – шеф обычно с неё спрашивает за работу с аспирантами.

Второго августа она пришла на кафедру пораньше. День опять был очень душным. Она включила кондиционер; отнесла в аудиторию, где будут экзамены, букет цветов, оставленный кем-то на её столе.

К девяти часам, когда были уже все в сборе, Наталья Фёдоровна подошла к двери аудитории. В коридоре томились три молодых человека; у окна, опираясь на трость, стоял невысокий худощавый блондин в камуфляжной форме с капитанскими погонами и орденой планкой на груди. Наталья подумала, что, верно, это и есть тот «афганец», о котором предупреждал профессор Юрков. В повороте головы юноши, в серых глазах с широкими тёмными бровями ей почудилось что-то знакомое, но эту мысль додумать она не успела. Открыв дверь аудитории, пригласила претендентов войти и прошла к своему столу. Она бегло просмотрела лежащие на столе документы будущих аспирантов и пригласила первым «афганца».

Тяжело опираясь на затейливую трость, юноша медленно шёл, наклонив голову. Невысокий, подтянутый, изящный в своём камуфляже, он вновь показался ей уже виденным когда-то. Он спокойно взглянул на неё яркими серыми глазами и, протягивая экзаменационный лист, низким хриловатым голосом, чуть заикаясь, представился: Миронов Алексей Алексеевич. Круг замкнулся.

Не судьба!

*В неверный час тебя я встретил,
И избежать тебя не мог —
Нас рок одним клеймом отметил,
Одной гибели обрѣк.*

М. А. Волошин

Курсант военно-политического училища Вадим ехал в составе спортивной городской команды на соревнования в Болгарию. Кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике, Вадим в свои девятнадцать лет казался совсем взрослым: высокий, широкоплечий, с русыми, коротко стриженными волосами и большими карими глазами, он неизменно оказывался в центре внимания. Общительный и дружелюбный, Вадим мог разговорить кого угодно, к тому же знал множество смешных историй и частушек. Неслучайно Марина, самая очаровательная в команде гимнастка, уже через час после отъезда благосклонно выслушивала незатейливые комплименты Вадима. Даже в этом южном городе, где каждая вторая девушка – красавица, Марина выделялась. Высокая, с длинными, «от коренных зубов» ногами, изящной фигурой, копной пушистых каштановых волос и яркими вишнёво-черными глазами, она была особенно привлекательна, когда улыбалась: на левой щеке при этом появлялась милая пикантная ямочка. Неслучайно молодые люди сразу приглянулись друг другу, и, возвращаясь с соревнований, они были уже большими друзьями.

По возвращении домой они стали часто встречаться и вскоре уже строили планы совместной жизни. Сейчас пожениться они ещё не могут. Оба студенты, живут в общежитиях, Вадиму до выпуска около двух лет, а Марина закончит педучилище только через четыре года, но Вадим был уже твёрдо уверен, что эта девушка – его единственная и на всю оставшуюся жизнь судьба. Он готов ждать её сколько угодно. Чем больше проходило времени, тем больше он привязывался к Марине, и, похоже, не без взаимности.

Прошло два года. В военно-политическом училище наступил выпуск. Торжественное вручение дипломов, присвоение офицерских званий, выпускной бал – всё было как в сказке! Офицерский мундир сделал Вадима неотразимым, на балу – он был уверен – не было девушки очаровательнее его Маринки, недаром с такой завистью смотрели на них его однокурсники!

Они условились, что теперь Вадим по распределению один уедет в гарнизон, куда его направили. Марине нужно доучиться, через два года Вадим получит первый отпуск, а Марина к тому времени окончит училище, и уже тогда он приедет за ней, они поженятся и больше никогда не будут расставаться. Марина всегда будет ездить с ним по местам его службы – такова судьба офицерских жён, а сейчас они были счастливы и с радостью смотрели в будущее. Вадим получил назначение на отдалённую пограничную заставу на границе с Монголией. Они договорились часто писать, и, когда через неделю Вадим прибыл в гарнизон, его уже ждало её письмо, отправленное авиапочтой.

Это была небольшая пограничная застава, где служили шестнадцать молодых мужчин – офицеры и солдаты срочной службы – и одна тридцатилетняя женщина, повариха, вдова пограничника, погибшего на этой заставе два года назад, которая после гибели мужа осталась здесь как вольнонаёмная.

Клавдия была невысокой полноватой женщиной с простым круглым лицом, короткими рыжеватыми, мелко завитыми волосами и выражением постоянной тревоги в маленьких, глубоко запавших глазах. Она была молчаливой и неприветливой, но отлично готовила; на заставе её слегка побаивались, впрочем, считали уже старушкой.

Клавдия сразу же стала выделять из всех нового красавца-лейтенанта, обходительного и скромного, старалась подложить ему порцию побольше и повкуснее, стала, вопреки обыкновению, ласковее и разговорчивее со всеми. Ребята, видя её особое отношение к Вадиму, подшучивали: «Смотри, Вадька, захомутаёт тебя Клавдия!» Но Вадиму, кроме его Маринки, никто не нужен! Несмотря на большую занятость по службе и суровую обстановку на заставе, он писал ей почти ежедневно. Поставил её портрет на прикроватную тумбочку и каждый день рассказывал ей, как любит, скучает, вновь и вновь строил планы на будущее.

Почта на эту отдалённую заставу приходила не чаще одного раза в семь-десять дней, но в каждой почте он искал и находил одно или два письма от Марины.

Заканчивался первый год его службы. Осталось всего одиннадцать месяцев – и он получит первый отпуск, привезёт свою жену на эту заставу, и больше никогда они не расстанутся!

В последнее время письма от Марины стали приходиться реже, и уже не в каждой почте он находил весточку от неё. Она отговаривалась занятостью на учёбе и соревнованиях, экзаменами, писала о плохом настроении. Наступил месяц, когда он не получил от неё ни одного письма. Написал маме, попросил её съездить в педучилище, где Марина училась на последнем курсе. Но вот в очередной почте он увидел конверт со знакомым почерком. До вечера он сдерживал себя, не открывал письмо, надеясь вечером устроить себе настоящий праздник.

Письмо было коротким. Она успешно закончила учёбу, сдала экзамены. Через неделю она уезжает в Германию со своим молодым мужем, выпускником того же военно-политического училища, что закончил Вадим. Её Богдан – сын генерала, который служит в Германии, в Западной группе войск, сын получил назначение туда же. Пусть Вадим не сердится на неё: не судьба им быть вместе. Она желает ему успехов и счастья.

В тот день Вадим, неизменный трезвенник, впервые напился. Где, с кем, как он пил, он не помнил. Только утром, придя в себя, обнаружил, что лежит в квартире Клавдии. Помолодевшая, в яркой косынке, с неумелым макияжем, Клавдия, напевая, расставляла на столе приборы для завтрака. Отвратительное самочувствие, стыд, досада и на Клавдию, и на себя – ему весь белый свет не мил! Он нагрубил Клавдии, быстро оделся и побежал к себе, стыдясь и не зная, как теперь смотреть и на неё, и на товарищей. Но никто с ним об этом не заговаривал, а похорошевшая Клавдия стала заботливой и ласковой со всеми.

Впрочем, теперь ему всё было безразлично. У него нет и больше никогда не будет Маринки, и теперь ему всё равно, кто рядом. Он порвал фотографию девушки, отказался от подошедшего по сроку отпуска, и потянулись серые и однообразные будни на заставе. Теперь он нередко ночевал у Клавдии, а она будто не замечала его грубости и злости, старалась угодить ему, развеселить и отвлечь от тяжёлых дум.

Прошло три года. Однажды его вызвал к себе начальник заставы. Он предложил Вадиму законно оформить его отношения с поварихой. Разве он не видит, что Клавдия беременна? Ну что ж, он подумает, поговорит с нею, а впрочем – всё равно!

Через два дня заставу подняли по тревоге. На границе обнаружили нарушителей, пытавшихся проникнуть на нашу сторону. Завязалась перестрелка. Вадим получил ранение левого предплечья. Из-за метели двое суток не прилетал вертолёт с хирургом. Рука у Вадима распухла, повысилась температура, началось воспаление вокруг огнестрельной раны. Вертолётом его доставили сначала в окружной госпиталь, а затем – на самолёте в Москву: возникла опасность развития сепсиса.

Ранение осложнилось, Вадим несколько суток лежал с высокой температурой. Руку спасти не удалось: её ампутировали до верхней трети плеча. На третий день, когда Вадима перевезли в Балашихинский военный госпиталь, туда прилетела Клавдия. Она уволилась с заставы и, сняв частную квартиру в Балашихе, устроилась санитаркой в отделение, где лежал Вадим. Она преданно ухаживала за ним, кормила, покорно сносила его капризы и грубости.

Через три месяца, когда в Подмоскowie уже началась весна, а воробьи яростно дрались на зелёных ветках, Вадим стоял на крыльце госпиталя. Его лечение было закончено, и из армии его комиссовали под чистую. Пустой левый рукав был аккуратно пришпилен к поясу. Ему шёл двадцать седьмой год. У него нет ни профессии, ни работы, ни семьи, ни жилья. Нет и сил, желаний, надежд. Только эта немолодая некрасивая женщина с большим животом молча стояла рядом, преданно глядя ему в глаза.

Они долго сидели в госпитальном парке, планировали, как жить дальше. Они решили ехать на его родину в Горловку. Там живёт мама Вадима, отца уже год как не стало. Клавдии скоро рожать, у ребёнка должен быть законный отец.

Они приехали в Горловку, поселились с матерью Вадима, скромно зарегистрировали в ЗАГСе свой брак. До родов оставалось чуть больше месяца. Когда родится малыш, Клавдия пойдёт работать – повара нужны повсюду. Мама Вадима будет заниматься внуком, а ему нужно что-то придумать.

Он инвалид, с одной рукой никаким физическим трудом он заниматься не сможет, его военная специальность на гражданке никому не нужна, надо идти учиться. В областном центре в политехническом институте с осени открывается новый факультет электроники и компьютерных технологий. Там нужны не столько руки, сколько голова, вот туда он и пойдёт в сентябре. Но ни вечернего, ни заочного факультета по этой специальности нет, ему придётся учиться на дневном отделении и жить в общежитии с молодыми ребятами, выпускниками школ, пять лет терпеть всё, чтобы начать новую жизнь.

В мае у Клавдии и Вадима родилась дочка. Вадим сразу же стал «сумасшедшим» папой. Он сам вставал ночами к беспокойной малышке, сам гладил пелёнки, сам кормил девочку смесями из бутылочки. Молока у Клавдии не было, она тяжело перенесла роды, целый месяц после этого лежала с парализованными ногами. Вадим не спускал Леночку с рук. Дочка была светленькая, кудрявая, с большими, как у отца, карими глазами – копия Вадима.

В сентябре, принятый без экзаменов, Вадим начал учёбу в политехническом институте. Он поселился в студенческом общежитии с тремя молодыми парнями и стал старостой и непрекаемым авторитетом на курсе. Он строго контролировал порядок в общежитии, не позволял шумных пьянок, сам готовил еду и периодически подкармливал ребят – у него, кроме стипендии, была ещё и военная пенсия. На субботу и воскресенье Вадим уезжал в Горловку. Клавдия устроилась поваром в детские ясли, куда через год отдадут Леночку, а пока ею занималась бабушка, мать Вадима.

Летом после третьего курса он проводил жену с трёхлетней дочкой в санаторий в Евпаторию. Он уже хорошо владеет компьютером, самостоятельно делает программы, и сейчас, пока жена и дочка в отъезде, он не поедет к маме, а найдёт себе летнюю подработку в областном центре, специалисты его профиля пока ещё в дефиците.

Посадив Клаву с Леночкой на поезд, он решил пройти пешком до общежития, торопиться ему некуда, в комнате он сейчас живёт один, ребята разъехались на каникулы.

Был тихий июльский вечер. Вадим медленно шёл по улице, бездумно глядя на гуляющих горожан. Его обогнала какая-то молодая высокая женщина в больших темных очках, с модной сумочкой через плечо. Что-то в повороте её головы, лёгкой летящей походке ему показалось смутно знакомым. Женщина вдруг обернулась и назвала его по имени. В этой стильной красавице с короткой тёмной стрижкой он не узнал бы Марину, если бы не приметная милая ямочка на левой щеке.

Она подбежала, бросилась на шею, стала его тормошить, о чём-то говорить, расспрашивать, будто и не было десяти лет разлуки, и она будто не замечала его пустого левого рукава, аккуратно пристёгнутого к поясу!

Вадим, забыв обо всём, жадно разглядывал это милое, такое родное лицо, эти пушистые волосы, яркие вишнёвые глаза и знакомую ямочку на левой щеке. Он сказал Марине, что сейчас живёт один в комнате в общежитии института и приглашает её к себе.

А потом были чудесный вечер и незабываемая, первая и последняя в их жизни ночь. Марина рассказала, что их брак с Богданом был недолгим, что на втором году их пребывания в Германии они окончательно рассорились, развелись и она уже несколько лет живёт здесь, работает педагогом в Доме культуры, снимает квартиру.

Она никогда не переставала любить Вадима, только он был и остаётся её судьбой! Она спокойно и, как ему показалось, равнодушно выслушала историю его ранения, женитьбы, учёбы. Было странно, что она не захотела говорить ни о каких планах на будущее, а он вдруг подумал, что ни за что теперь не оставит её и нужно будет решать, как быть с семьёй.

Только под утро Вадим, уставший и счастливый, задремал, а когда открыл глаза – было уже светло. Ни Марины, никаких её следов, ни записки – ничего не было, будто всё, что было ночью, ему приснилось. Даже бокалы, из которых они вечером пили вино, сухие и чистые, аккуратно стояли на полке. Он побежал на проходную, на улицу – ни следа Марины нигде нет.

Два дня он лихорадочно раздумывал, где и как её найти, сбегал на автовокзал, откуда она могла уехать к матери, боялся пропустить телефонный звонок, но она так и не появилась.

Он позвонил в Евпаторию, узнал, что Клавдия и Леночка там отлично устроились, и, понемногу приходя в себя, начал размышлять, что ему делать дальше, как теперь жить.

Глотая злые слезы и повторяя про себя: «Ну и пусть! Пусть!» – Марина бежала на вокзал. Что она наделала! За что она наказала и этого милого дурачка Вадима, так доверчиво рассказавшего ей о своей безгрешной жизни, о дочке, жене, об учёбе? Он-то в чём перед ней виноват? Но она не хочет, не должна жалеть ни одного из этих проклятых мужиков, превративших её жизнь в ад, а её – в дичь, за которой охотится теперь милиция по всему городу! Она вынуждена вот уже три месяца ежедневно менять место ночёвки – то у кого-то из случайных знакомых, то у первого встречного мужика, с которым знакомится на улице. Она уже знает, что не однажды наряды милиции приходили по её следам туда, где она провела прошлую ночь.

Сейчас она поедет на вокзал, где в камере хранения её сумка с вещами и деньгами, и сегодня же уедет на Запад. Там она постарается найти частного врача – говорят, что на Западе за доллары можно найти любого специалиста. Надо поскорее начать лечение, пока не провалился нос!

У неё была счастливая наружность. Несмотря на образ жизни, постоянные мытарства с одного жилья на другое, несмотря на тревогу и опасность быть пойманной каждую минуту, она сохраняла привлекательность – эту тонкую изящную фигуру, прекрасное лицо с очаровательной ямочкой на щеке, пушистые, теперь перекрашенные волосы. Она в любых условиях могла выглядеть стильно, мастерски делать макияж даже с помощью теней и туши, купленных на вокзале у цыганок, у неё всегда были ухоженными руки с красивыми миндалевидными ногтями и стильная причёска; волосы ложились крупными естественными волнами даже тогда, когда ей приходилось их мыть холодной водой в вокзальном туалете. Она всегда – и теперь тоже – постоянно ловила восхищённые взгляды встречных, особенно немолодых, мужчин и, когда хотела, сама подходила к ним.

Это началось давно, ещё в Германии. Они с Богданом поселились в закрытом военном городке под Магдебургом. Жители – советские офицеры с жёнами и детьми – вели однообразную и серую жизнь. Женщинам работать было негде, и атмосфера в городке была унылая: разговоры о заболевших детях, пьющих и неверных мужьях, сплетни, иногда скандалы, – всё это было противно Марине, и она так и не смогла найти здесь себе друг.

Богдан был очень занят по службе. Уходил рано, возвращался поздно, всегда усталый, издёрганный. Он часто по несколько суток отсутствовал: учения, стрельбы, командировки. А когда у него выпадал свободный день, они не могли себе позволить ни развлечений в городе,

ни поездок – берегли валюту для устройства в Союзе, когда закончится эта зарубежная командировка. Марина целыми днями бесцельно бродила по квартире, иногда сутками не снимая ночной рубашки, и уже понимала, какую глупость она сотворила, соблазнившись этой поездкой в Германию. Богдана она не любила, а теперь начинала тихо его ненавидеть. Неожиданное внимание майора, начальника Богдана, зашедшего к ним в гости, польстило ей – всё развлечение!

Он стал заходить к ним, приходил с конфетами, вином, как-то принёс цветы. Однажды пришёл в отсутствие Богдана и сообщил, что её муж вернётся со стрельб только завтра к вечеру и он готов помочь Марине скоротать одинокий вечер. Как-то очень просто и неожиданно они оказались в одной постели; уходя утром, он предупредил, когда ещё придёт, у Богдана всё лето будут частые полевые учения.

Это продолжалось несколько месяцев. Потом майор исчез, но появился молодой лейтенант, потом другой, и так бы продолжалось, верно, и дальше. Но в закрытом военном городке все на виду, кто-то просветил Богдана, и он внезапно появился утром дома, когда очередной лейтенант, лежал в постели, ждал, когда же Марина принесёт кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.